ЛитРес:

Эллен Фоллен

Ellen Fallen

ДЕРЗКИЙ

Неисправимые лжецы

Эллен Фоллен

Дерзкий

«Ellen Fallen»

2020

УДК 82-31
ББК 84-44

Фоллен Э.

Дерзкий / Э. Фоллен — «Ellen Fallen», 2020 — (Неисправимые лжецы)

ISBN 978-5-00155-446-2

Чейз болезненно переживает произошедшее в семье. Все меняет предложение стать тренером девчачьей команды по американскому футболу. Его жизнь обретает краски, когда в спортивном зале появляется его любимая смутьянка. Она не хочет впутывать его в свои проблемы, а он не представляет жизни без нее.

УДК 82-31
ББК 84-44

ISBN 978-5-00155-446-2

© Фоллен Э., 2020
© Ellen Fallen, 2020

Содержание

Пролог 6
Глава 1 8
Глава 2 14
Глава 3 19
Глава 4 24
Глава 5 29
Глава 6 34
Глава 7 39
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Эллен Фоллен
Дерзкий

Пролог

Ребята из младшей команды отрабатывали упражнения по перетягиванию канатов. Я был доволен их сплоченностью и собранностью. Я вырос вместе с ними от простого помощника до тренера их команды. Чего стоило научить порядку эту шайку мелких поганцев и самого себя. Страшно вспомнить.

В зале очень душно, и я переживаю, что кому-то из детей станет плохо. Внимательно слежу за каждым, чтобы при первых намеках на обморок – отреагировать.

Не знаю, каким образом у меня получается сохранять спокойствие, пока они кувыркаются и толкают тяжелый тренажер. Кто-то уступил, и команда слева сдается, падая с криком на мягкий мат.

В воздухе потрескивает от напряжения, я делаю вид, что не слышу нецензурные выражения, выскальзывающие из их ртов. Подношу свисток к губам, заранее предупреждая между ними очередную стычку. Это единственный способ остановить их. Дети хорошо усвоили материал по теме уважения относительно игрока из своей команды. Но я бы не стал абсолютно им доверять, зная этих детишек. Громко свистнув, показываю разойтись в разные стороны, оценивая их состояние. Покрасневшие лица, тяжелое дыхание. Пожалуй, с них хватит.

– Вы отлично поработали сегодня, занятия окончены. – Встаю в позу, сцепив руки за спиной, ставлю ноги на ширине плеч. – Если есть вопросы, задавайте их сразу.

Дети выстраиваются в ряд, на грустных лицах появляются первые слезы. Жевательная резинка во рту противно прилипает к зубам. Будь я на улице, давно избавился бы от нее.

– Как жаль, что нам приходится прощаться. – Смышленый малый вытирает ладонью свое покрытое красными пятнами лицо и сжимает один глаз от пота, попавшего на слизистую.

– Мне тоже. Моей работой было подготовить вас к настоящему спорту. Привить вам любовь к американскому футболу, отработать задачи. В дальнейшем самые упорные достигнут

высот. – Мой взгляд смягчается при виде единственной девчонки, стоящей позади пацанов. – Грейси, ты что-то хотела сказать?

Девчонка мнется, сгибает по очереди свои крепкие ножки, прячет симпатичную мордашку за головами мальчишек и, наконец, выходит перед расступившейся командой. Я вообще не ожидал, что однажды ко мне приведут эту смешливую малышку и попросят заняться коррекцией ее поведения, научить держать свои эмоции при себе. Там какая-то мутная история, из-за чего с ней работал психиатр. На первый взгляд обычный ребенок, правда, младше всех, девочка, не созданная для американского футбола. Она слишком хрупкая, да и мальчики не должны работать вполсилы. Когда она показала свою волю и пару раз подралась, я понял, как ошибался, судя по внешности. Очень часто в агрессивный спорт попадают дети с определенными проблемами, вымещение агрессии помогает им работать с эмоционально-волевой сферой, развивая другие качества. Ее отец очень хотел для дочери лучшего, а кто я, чтобы отказывать?

Ребенок переступает с ноги на ногу, её щеки еще гуще краснеют, когда она поднимает на меня блестящие глаза.

– Мы вас очень любим, тренер Кинг. Не забывайте нас. – Мальчишки подбадривают ее; стараюсь держать лицо, сдвинув брови, ожидаю, что будет дальше. – Мы приготовили памятный подарок для вас.

Меня аж качнуло в сторону, эмоции прорвало, я стал мягче пластилина перед этой малышкой, как только она подошла ближе. Ее короткие ручонки потянулись к моей шее, вытряхнув перед собой черную веревку с чем-то похожим на кулон. Приседаю перед ней на одно колено, опускаю голову ниже и чувствую дрожь в пальчиках, задевающих мои уши. Она отодвигается, я беру в руки кулон и рассматриваю яйцевидной формы металлический мяч, затянутый крошечным шнурком посередине. Улыбнувшись, поднимаю мой новый трофей вверх.

– Я буду скучать по вам, ребята. – Смотрю на всех них с тоской. – Горжусь вами.

Грейс оборачивается и смотрит на свою команду, они переговариваются мимикой, не издавая ни единого звука. Вот что значит командный дух. Догадываюсь, что хотят, поэтому не строю из себя бог весть кого, раскрываю широко руки. – Кто хочет обнять меня на прощание?

Зал тут же наполняется громким топотом, шестнадцать медвежат летят на меня, сбивая с ног на матрацы. Эта отрывная шайка дала мне новый глоток жизни, возродили самые нежные чувства, на которые я вообще способен. И я действительно буду скучать по ним. Очень сильно.

Глава 1
Чейз

И почему дети так быстро растут? Они стали смыслом моей жизни, мне пришлось многое изменить в себе, избавиться от бесконечных попоек, вытащить серьгу из уха и больше заниматься своим телом. Я хотел показать, что могу стать кем-то вроде сенсея, наставника для ребятни. Может показаться, у малышей нет запросов, но, поверьте мне на слово, они у них выше, чем у офисного работодателя. Они испытывали меня каждый день в течение всего времени, выпивали все силы, при этом были бодрее и сильнее меня в разы. Постоянная возня и действие на нервы, зачастую я хотел кричать так, чтобы они оглохли, а иногда плакать вместе с ними, видя их старания и достигнутые победы. Это были наши результаты, наши победы, планка, задранная до самого верха и, наконец, достигнутая. Я вышколил их по собственному усмотрению, воздействовал так, как мог. Школа выживания ничто по сравнению с бесконечным трудом, работой над концентрацией этих шустрых ребятишек. Оставшись без них, я снова чувствовал себя потерянным. Во мне больше не нуждались. Тренер Джонсон предложил отправить документы, затем пройти тесты на поступление в университет и не падать духом.

Я так и сделал, но дома тоже много не насидишь. Деньги с неба не сыпались. Братьев просить не стал, стыдно, поэтому уже успел временно поработать в закусочной. Недолго, но и этого хватило. Идиотская кепка с именем бренда, литры застарелого масла и крылышки. Те, кто когда-то учился вместе со мной в школе, приходили поесть, пока, пряча эмоции, я превращался в услужливого лжеца, с тупой натянутой улыбкой спрашивая их, чего они желают.

Закончив смену кассира, я плелся домой, чтобы подсчитать, сколько могу в этот раз отложить на учебу, отдать за стройматериалы, и проверить на предмет рванья очередную пару носков. Затею с походом за продуктами пришлось оставить в пользу бесплатного резинового мяса курицы за счет заведения, в котором работал. Радовали месяцы, когда получал премии, откладывал больше, соответственно, быстрее двигался к цели.

В одну из смен, после тяжелого рабочего дня, когда я оттирал столы, позвонил тренер. И эту новость я ждал всю свою жизнь. Я сдал вступительные тесты, набрал необходимый балл. Мне одобрили кредит на обучение, пообещав скосить процент, с одним условием, что буду работать на университет. Таким образом я смогу самостоятельно гасить кредит. Понятно, что платить будут меньше, чем другим, и неизвестно, когда и какую команду получу. Но да, черт возьми, я согласился! Бывший спортсмен, надежда команды, собирался стать дипломированным специалистом.

Собственно, чтобы не терять время, решил до начала учебы закончить ремонт, который в этом доме длился годами. Мама делала вид, что не придавала этому значение, но я же видел, как она радовалась, когда что-то обновлялось. Меня не интересует окружающее меня пространство, но я должен сделать это для нее.

Обвожу взглядом все, что я сделал. Было тяжело, но меня радовало то, что Тер успел перестелить паркет и сделать комнату мамы. Наши спальни по размеру небольшие, когда их закончил, меня еще долго не отпускало ощущение триумфа. Почти как на поле, когда ты пересекаешь последнюю черту и кидаешь мяч на зеленую траву. Осталась прихожая, одна кривая стена и гипс, который в данный момент застывал, давая мне маленькую передышку.

Белые от смеси пальцы неприятно стягивало, почесав нос тыльной стороной руки, я поднимаюсь. Остатки содовой приятно оседают в желудке, не снимая бахил, обутых поверх старых ободранных кроссовок, иду к ведру, расположенному у входа. Свежий строительный запах распространился по всему дому, трогаю стену горячую на ощупь. Реакция застывания уже пошла. Беру терку с резиновым покрытием, окунаю в ведро с мутной водой и провожу по ровной стене. Мышцы напрягаются, когда тянусь до самого верха, неаккуратно шлепаю по стене, меня тут же окатывает брызгами. Зажмурив беспощадно защипавший глаз, практически сразу прислушиваюсь, когда во дворе раздается рев проезжающей машины. Затем визг шин, будто кто-то на скорости поворачивает на подъездную дорожку. Рука замирает, хмуро уставившись в одну точку, ожидаю, что же произойдет дальше. Следом ко двору очень аккуратно, практически бесшумно подъезжает еще одна машина. Спускаюсь со стула, беру в руки биту, стоящую в углу, и резко дергаю блестящую ручку новой двери от себя, старая, наверное, развалилась бы от подобного насилия.

Отшатнувшись на несколько шагов назад, передо мной стоят Уиллоу и Винни с пакетами в руках. Мы смотрим друг на друга в полном молчании, я вроде как не верю, что это они передо мной. Девочки, в свою очередь, как контуженные, рассматривают мой потрепанный вид.

– Кажется, мне нужен доктор! Подумала, что ошиблась дверью… – Винни блуждает взглядом по моему телу, разворачивает меня боком, как ни в чем не бывало целует в щеку. – Выглядишь сексуально с этой штукой. Я бы даже сказала – опасно. – Забирает биту и ставит к стене.

– С ума сойти, бицепсы какие?! – шепчет Уиллоу. – Что за преображение такое? – Тонкий пальчик указывает на всего меня.

За их спинами раздаётся топот тяжёлых ботинок и звон бутылок, бьющихся горлышками друг об друга.

– Девочки, чего столпились… Блин, Чейз. Что за фигня? – Хантер ставит пакеты на обновленное мной крыльцо, возмущенно раскинув в стороны руки. – Брат, это не дело, здесь же девочки. Оденься!

Опираюсь на стену, подавив довольную улыбку, играю бровями, наслаждаясь вниманием Винни и Уиллоу.

– Хант, на самом интересном месте. – Блондинка высовывает свою любопытную мордашку, огромные голубые глаза горят любопытством. – Ты обязан рассказать секрет такого тела! Твоему брату не помешает узнать пару упражнений, офисная сидячая работа и все такое…

Хантер проводит рукой по лицу, судорожно сжав подбородок.

– Думаю, наш мальчик вырос во всех смыслах. Я бы обняла тебя, да, боюсь, Тер с ума сойдет, – говорит Винни, громко разражаясь смехом, стоит появиться рядом с ней моему второму брату.

– Мои глаза. – Терренс разворачивается спиной ко мне, картинно падая на колени и чуть ли не утыкаясь лбом в дерево под нашими ногами. – Мелкий, оденься, клянусь, смотреть невозможно. У меня разовьется комплекс неполноценности. В кого он такой здоровяк?!

Винни качает головой, Уиллоу закатывает глаза и проталкивается в дом, снова застопорив все движение.

– Вы не пройдете, пока я не закончу, – вздыхаю я, – часик поторчите на улице? Посидите на скамье?

Парни переглядываются, заглядывают мне за спину. На их лицах мелькает понимание. Практически одновременно они стягивают с себя футболки и кидают девушкам, затем начинают расшнуровывать ботинки.

– Еще инструмент есть? – Тер отдает свои вещи жене, тянет молнию на темных джинсах вниз.

– Конечно, – отзываюсь я. – Специально для вас старался.

– Тогда еще два комплекта, – говорит Хант грубым голосом, стягивая брюки, вытаскивая из штанины ноги. – Детка, сядь, отдохни. Пакеты пусть стоят здесь. Может, вы пойдете на задний… Что ты делаешь?

Девчонки, недолго думая, стягивают с себя летние топы, надевают футболки мужей. Туфли остаются лежать около старой окрашенной скамьи, как и все то, что мы сняли.

– И вы говорили мне что-то о том, что я голый, – размышляю я вслух, наблюдая за странной вакханалией, происходящей на моих глазах.

– Займемся покраской? – Между тем девочки не особо обращают внимание на нас, завязывая свои длинные волосы в хвосты, берут банки и расходятся в разные стороны.

– Сначала они трогают твой пресс, потом раздеваются перед тобой. – Терренс все еще смотрит на девочек, которые запутались, где чьи тапочки. – Что бы сказала мама?

– Что она гордится вами, – глухо говорю я, переступая порог дома.

– Нами, – басит Хантер, – она гордится нами, малой.

Внутренне сжавшись от слов моего старшего брата, я останавливаюсь на мгновение, затем, передёрнув плечами, двигаюсь к кладовой за инструментами.

Все валится из рук, каждая полка напичкана строительными материалами, преодолев заблокированный мешками проход, я все-таки нахожу искомое. Мои следы по всему дому: белые пятна, застрявшие на паркете, грязное постельное белье, лежащее на надувном матраце, и горы нестираных вещей. Мне становится очень стыдно, поэтому я, вместо того, чтобы пойти к парням, собираю в охапку свой личный позор и не успеваю от него избавиться, стоит братьям оказаться рядом со мной.

– Этот дом никогда не выглядел подобным образом. – Я слышу гордость в словах Ханта. – Оставь тряпки, мы хотим обнять тебя.

Я топчусь на месте, все еще сжимая грязное белье. Полуголые парни не были пределом мечтаний, пусть мы являемся родственниками. С другой стороны, мы не виделись столько времени, что глупо отрицать очевидное. Я скучал по ним каждый день.

Освобождая руки, я с готовностью встречаю крепким рукопожатием ладонь старшего, меня тут же притягивают в братские объятия, больно хлопая по голой спине. Терренс делает то же самое, дополнив нашим коронным ударом кулаков. Тишина, воцарившаяся в помещении, некий всплеск радости завершается подзатыльником от старшего.

– Отлично, придурок, – отмечает Терренс, отодвигаясь в сторону. – Кажется, ты сделал невозможное, испортил момент.

– Это ему за то, что не позвал нас на помощь. – Забирает инструменты, валяющиеся на краю надувного матраца. – Поверить не могу, что ты надрывал свой зад в одиночку. Мы должны делать все вместе.

– Скажи спасибо, что избавился от твоей старой кровати, никак не могу забыть, как твои ноги упирались в перекладину, дубина, – бубню я, провожая взглядом Терренса, осматривающего комнаты и довольно кивающего. – Все это старье тянет на дно и напоминает о многом.

– Это вроде как наш дом, но в то же самое время слишком шикарный для Кингов. Надувная хрень вместо дивана в совершенно пустой гостиной. Ты избавился от прошлого, оставшись жить в спартанских условиях, – философски парирует он.

– Избавляясь от рухляди, он обеспечивает себе и нам новое будущее. Меня больше бесит, что ты не сообщил о том, как тебе тяжело. Неужели мы такие уроды и не приехали бы тебе помочь? – Хант подкидывает в воздух мастерок и тут же ловит.

Мы идем в прихожую, Хантер тут же берется за мешок со смесью, высыпает ее в огромный бак, Тер наливает воду и врубает миксер, взбивая. Кажется, я меньше шумел, чем эти двое вместе взятые. Но стоит отметить, что работа двигается намного быстрее. Шлепая смесью по стенам, вымазавшись по самые уши, мы снова становимся семьей.

На первый взгляд стены кажутся ровными, но на них все равно видны швы или дефекты в виде сколов и выбоин. Шпаклевкой такие недостатки скрыть сложно, после облицовки отделочным материалом погрешности выйдут наружу. Поэтому я наношу еще один слой смеси, улучшая теплопроводность и звукоизоляцию. Выломав маяки, устраняя недочеты, оставалось выровнять финишкой и поклеить обои. Кривые стены плясали в разные стороны, выгибаясь и углубляясь, поэтому ремонт затянулся на долгие месяцы.

Хантер вытягивает единственную оставшуюся стену, пока Тер измеряет угол наклона правилом. Заметив неровность, он тут же переворачивает его в своих руках и показывает брату недочет. Я же стою напротив противоположной готовой стены, затирая несовершенства. Ничто не отвлекает нас от работы; передавая инструменты и обмениваясь ими, мы словно снова в детстве. Меняемся игрушками, только теперь взрослыми.

Девочки становятся в дверях, избавляясь от перчаток, перемазанных краской. На их лицах натянута ткань футболки на вид маски, особенно странно смотрится хрупкая Уиллоу: одежда настолько велика, что полностью закрывает ее от нас. Она подходит к Ханту, упирается лбом в его потную спину. Он тут же наклоняется, подставляет ухо, и она что-то шепчет. Три глубокие линии разрезают лоб Хантера, расширив глаза, он кивает на Винни, потом пожимает плечами.

– Вы не вытаскивали спальные мешки из машины с прошлого турпохода? – спрашивает Хантер у Винни.

Меня будто окатывает ревностью, они уехали из дома, вместе ездят отдыхать, а я мало того, что охраняю недвижимость, так еще и в одиночку. Может показаться, что это офигенно, ведь вся территория принадлежит мне. Может, если бы мама была жива или отец, – все было бы иначе. Но остаться одному похоже на веревку, привязанную к шее, – на другом конце камень, утягивающий тебя в ил. Вот так я ощущаю себя без них.

– Мы приехали слишком поздно, чтоб разбирать вещи, – отвечает Винни, затем поворачивается ко мне. – Ты не против, если мы занесем мешки?

– Против, они слишком тяжелые для вас. Я позже сам это сделаю. – Мне становится неловко, будто я выгнал их из дома и установил свои правила, избавившись от того, что принадлежало им. – Хотел купить что-то к вашему приезду, но возникли непредвиденные трудности, – намекаю на то, что они тоже хороши.

– Мы звонили, Чейз, – обиженно произносит Винни. – Хотя ты прав, это не оправдывает.

– Да прекращай, ты все правильно сделал. – Хантер смекает что к чему. – Расстояние – странная штука, кажется, что один звонок может решить миллион проблем. – Расстроенно он

вытирает пот со лба, затем обращается к девушкам: – Малышка, может, на скорую руку что-то придумаете?

Девушки проходят мимо нас, переобуваясь в домашние тапочки, принадлежащие им. Слежу боковым взглядом за их передвижением и тем, как уютно они обе смотрятся в футболках моих братьев. Никогда не был завистливым, но сейчас…

– Заканчивай пялиться на наших девочек, – усмехается Терренс, – надо прекращать затворничество.

– Понятия не имею, о чем ты. Да что я там не видел? Сцена в ванне с твоей женой до сих пор заставляет возвращаться в тот день, – дерзко отвечаю ему, сначала он напрягается, но потом начинает смеяться моей шутке с бородой.

Беру ведро с мутной водой и несу за двери, выливая все содержимое в яму, вырытую заранее.

Парни начинают между собой переговариваться, и мне кажется, у них есть что скрывать. Прислушиваюсь к разговору, отрывки странных фраз намекают на нечто, связанное со мной. Набираю новую воду, снимаю тряпку с трубы и тянусь за шваброй. Странно, что приходится прибегать к их помощи и утруждать девчонок. Запах свежей краски привлекает мое внимание к заборчику, разукрашенному в веселой мозаике. Уиллоу сделала нечто, не поддающееся воображению, заставив сверкать наш сад, а Винни превзошла саму себя, добавив свою творческую нотку в идеальное завершение уличного ремонта. Все окружающее меня теперь обновленное. Дело не в ремонте, а в тех, кто сейчас рядом. Душа радуется, наблюдая, как преобразился этот неказистый и потрепанный временем дом, теперь остались штрихи с новой мебелью, на которую у меня нет денег. И в ближайшем будущем и не светит ее приобрести.

Захожу домой, первая комната – это бывшая родительская, вымываю в ней пол, хотя он и так чистый. Никто здесь не находился долгое время. Затем остальные комнаты. В кухне девчонки тут же ставят стулья на стол, переворачивая их сидениями вниз, сами залезают на широкий подоконник, освободив ноги от тапочек. С наслаждением вдыхаю запах жареного бекона и каких-то овощей. Все оживает, стоит этим двум появиться здесь и щебетать, как птички. Хантер собирает пустые бумажные пакеты, засовывает один в другой и выносит на улицу. Размахивая тряпкой на пороге, я снова сталкиваюсь со старшим братом.

– Ты очень постарался над всем этим. – Он забирает у меня ведро, выливает его. – Я правда думаю, что родители очень гордятся тобой. Столько работы в одиночку, не хватит слов, чтобы описать все эмоции и отблагодарить за очередное напоминание, что я плохой старший брат. Ведь я бы спился, оставь меня в одиночку в доме, напичканным нашими призрачными воспоминаниями. Мы будто бежали отсюда, как последние трусы. И теперь хотим загладить свою вину. – Он сжимает мое голое плечо. – Ты вправе злиться на нас за такой большой перерыв между встречами. Мы обязаны были поехать к тебе, а не ждать звонка, как лопухи.

– Сентиментально, Хант. Ты будто извиняешься за то, что бросил меня, как и все остальные? Хотел выдавить из меня слезы, добиться рыданий и, как следствие, прощения? Зря. – Он хмурится. – Мы все остались без родителей, именно так ты всегда говорил другим. Вам было тяжело, как и мне. С той разницей, что у вас была поддержка, которой не было у меня. Никто из вас не остался один на один в доме родителей, с этими альбомами и воспоминаниями… Я пережил, забыто, – прекращаю бесполезный разговор.

– Мальчики. – За моей спиной появляется малышка Уиллоу, заправляет длинную белокурую прядь за ухо, заламывая пальцы. – Все готово, пойдемте к столу?

Она уходит так же беззвучно, как и появилась, чувствую себя смущенно, девушка слышала мои обвинения.

– Я звонил тебе постоянно, пока ты избегал нас. Просил соседей посмотреть, горит ли свет в твоих окнах!

Мой старший брат, пожалуй, самый ответственный среди нас, и чувство долга в нем развито в разы сильней. Он сжал челюсть, лицо побледнело, глаза предательски заблестели. Мне перестала нравиться моя маленькая победа на вкус.

– Хватить оправдываться, все так, как есть. Ты стал слишком чувствителен. – Хлопаю его по плечу, затем крепко обнимаю, думаю, он должен понять, что мой топор войны зарыт, а все произошедшее говорит только о том, что я очень по ним соскучился. – В отличие от вас, придурков, я все еще свободен. Укрощение строптивых обернулось тем, что вы стали слишком нудными. Еще бы понять, девчонка так тебя выдрессировала или ты ее. Не узнаю вас, ребятки, – шучу, разряжая обстановку.

– Ой, да заткнись, – устало говорит Хант, прекрасно понимая, к чему мы пришли. – Я, блин, сентиментальный! – восклицает он, направляясь в кухню. – Эй, Уиллоу, я, мать вашу, реально стал слюнявым нытиком? – Бас моего брата смешивается с писклявым смехом его любимой, затем эти беспощадные поцелуйчики и объятия. Она висит на его плечах, он прячет свое лицо в ее тоненькую шею за густыми длинными волосами. И я, блин, так хочу быть на его месте, но недостаточно хорош!

Глава 2
Хейли

Наш огромный дом отсчитывал шаги прислуги, проглатывая звуки. Высокие потолки, колонны и пошлые помпезные люстры сверкали, как алмазы, от чистящего средства, стоящего баснословную цену. Картины, безусловно, все оригиналы – куда деваться, в доме живут ценители прекрасного. Глубокий синий цвет гостиной напоминает похоронное бюро, с этими белыми стульями, покрытыми резным узором и позолотой. Императорские задницы, не иначе. В распахнутые двери заходит наш шеф-повар в настиранной униформе и следом за ним несколько женщин, кажется, это те самые новенькие горничные. Странно, что он решил сменить состав своей чемпионской сборной, приватность прежде всего. Кто на это раз? Кубинки? Как он, интересно, преодолевает языковой барьер? Хотя лучше набрать эмигрантов, забрать документы, хорошенько пригрозив, и будут молчать до самого гроба.

Убираю руки с белоснежной скатерти, девушка застилает синюю салфетку под тарелку. Передо мной появляется фарфор и сияющие чистотой столовые приборы. Тканевая салфетка, затянутая посередине, напоминает крылья бабочки. С правой от меня стороны располагаются две ложки и нож, с левой – вилки, одна из них с тремя зубцами. Беру ее в руки, мое отражение сливается с блеском, даже это прекрасное серебро не скрывает мои несовершенства.

Огромный стол подразумевает полноценную семью или родственников, но не в нашем случае. Я уже привыкла сидеть напротив моего опекуна на гигантском расстоянии. И только, наверное, благодаря эху мы слышим, о чем идет речь на очередной повестке дня.

Вот и он идет медленной походкой, поправляя галстук и лацканы пиджака. Темный костюм, как всегда, безупречно отглажен, в запонках сверкают драгоценные камни, а выбритое лицо обильно помазано лосьоном, отчего выглядит ухоженным и сияющим.

Горничные, разносившие посуду, останавливаются в панике, потупив взгляд в пол, складывают руки вдоль тела и замирают. Единожды прицыкнув, мужчина недовольно оглядывает

ненавистных для него свидетелей, но тут же натыкается на меня. Мой тяжелый взгляд исподлобья сменяется детским натянутым восторгом, спасать, наверное, надо меня, а не персонал. С другой стороны, с меня уже нечего взять.

– Что у нас сегодня на обед? – традиционный вопрос, заданный в воздух, все в курсе, что он не ведет разговоры с челядью.

Из кухни выходит еще одна порция марионеток, с бесшумной походкой мгновенно завершающие сервировку, и как солдатики, выстроившись в шеренгу, они ожидают, когда повар донесет, что именно приготовил. Удивляюсь, как человеку удается держать лицо и ни разу не скривиться.

– Мистер Линдеман, трюфель с картофельным пюре для вас. – Он мешкает, прежде чем сообщить о том, что сегодня в моем меню. Мой опекун, довольно хмыкнув, втягивает в себя запах, похожий на раздевалку, наполненную голыми потными телами после отличной игры по выбиванию дерьма друг из друга, затем, наконец, сосредотачивается на металлической выпуклой крышке напротив меня. – А мисс Линдеман пожелала…

Возможно, мне было бы жаль этого человека – седина в волосах, бледное лицо, он слишком устал от своей работы, но категорически не хочет уступать место другим по одной простой причине – огромные деньги, которые ему платят за готовку. И, естественно, ощущать себя королем Вселенной, постоянно издеваясь над девчонками, бесконечно оттирающими срач, оставленный им. Подпираю подбородок ладонью и не без удовольствия ожидаю, когда же он расскажет, что я натворила сегодня, и его сморщенное лицо разгладится от морщин в лживой гримасе.

– Мне что, из вас клещами тащить слова? – резко рявкает Питер Линдеман. – Открой крышку, дорогая.

Дорогая… Теперь наступает мой черед заставить всех думать, что меня здесь нет. И это очень просто: достаточно произнести кодовое слово этим мерзким тоном. Дорогая… Лениво вытаскиваю изо рта жевательную резинку, предварительно растянув ее в длинную нить, накручиваю на палец и размазываю по салфетке. Мир блекнет, как и все находящиеся здесь, отвлекаясь от обыденности своих будней, все становится черно-белым. Ради сохранения хоть какой-то стабильности и отрешённости. Откусываю сэндвич под вопли моего опекуна, мычание повара и топот маленьких ножек горничных. Я люблю представлять в такие моменты мир в серых тонах, все покрыто клеткой, как в игре «Морской бой». Самостоятельно и неожиданно выставляю ладью и ожидаю, когда она подорвется, покалечив не только меня, но и его. Минное поле вокруг, всплески звуков и моя стойкость. Все остальное не имеет значения.

Куски застревают, когда я проталкиваю остатки хлеба, тут же вставшего комком в горле. Стучу себя между грудей, запивая при этом томатным соком. Ставлю пустой бокал на стол с громким стуком и вытираю губы салфеткой, скомкав ее в состояние горошины.

– Это такая подготовка к студенческому образу жизни? – Мужчина, сидящий передо мной, проглатывает вонючий гриб с особым наслаждением.

– Нищебродскому, имеешь в виду? – отвечаю ему мягко, не травмируя ранимую душу.

Аккуратно сминает салфетку, едва касается губ и отодвигает от себя тарелку с недоеденным деликатесом. Тысячи долларов ради одного укуса.

– Ведь так ты назвал мое желание жить в общежитии при университете? – По его улыбке могу сказать, что он проигнорирует мои слова.

– Я надеюсь, ты будешь скучать по дому… по отцу? И ты же знаешь, я бываю резок, но это не со зла. Я хочу знать, ты будешь скучать по мне? – Он не сводит с меня глаз, шарик салфетки, который я катала ладонью по скатерти, падает под стол, и я тут же использую эту возможность уйти от ответа. – Оставь его. – Повелительный знакомый тон возвращает меня в исходное положение. – Так сложно ответить на простой вопрос?

Облизываю пересохшие губы, выдохнув весь воздух из легких, приготовившись к очередному вранью, преследующему меня с того момента, как меня удочерили. Моя жизнь состоит из маленьких разбитых кусочков лжи, они сверкающие и яркие, похожие на крошечные бриллианты и самоцветы. Я калейдоскоп, подстраивающийся под мнение каждого, и только в спокойном состоянии могу быть собой. Обычным куском битого бутылочного стекла, валяющегося в каждой подворотне.

– Конечно, буду, – еле проговариваю я.

– Как же быстро взрослеют дети. Раньше ты с удовольствием сидела на моих коленях и говорила, как любишь. Время нас не щадит, – растроганно произносит он, поднимаясь. В ушах начинает звенеть от звука отодвигаемого стула по паркету, затем то, как туфли из кожи тюленя соприкасаются с дубом. Он подходит ко мне вплотную, прижимает голову к своему животу и мягко поглаживает по волосам. – Мне очень жаль, что мы поссорились в прошлый раз. Жаль, что ты не до конца прошла лечение и отказалась от услуг Ари. По поводу выбора университета я хотел донести, что ты можешь быть лучшей, достигать невиданные высоты, пользуясь положением в Лиге Плюща, а вот с образованием выбранного тобой университета придется брать взятки. Общежитие, на мой взгляд, – крысятник, каждый так и норовит влезть в твои дела.

– Все могло быть иначе, но ты продал наш дом.

– Ты и так сидела в нем безвылазно до нашего отъезда. Я не могу постоянно мотаться.

– Хорошо. Выбор сделан, ты всегда учил все взвешивать и не отступать, – откашливаюсь, уж слишком он сжимает мою шею. – Вступлю во взрослую жизнь самостоятельно. – Отодвигаюсь, встаю напротив него. Долгое созерцание друг друга, моя непоколебимость заставляет отступить мужчину.

– Скажи правду, тот паренек Портер стал причиной переезда? – Твердым захватом пальцев на моем подбородке он снова доказывает, что не потерпит конкуренции.

– Я ошиблась в своем выборе. – Холодные глаза скользят по моему лицу. – Больше не встречались. Выбор университета никак не влияет на географию расположения такового.

Он отпускает меня, сделав вид, что поверил, точно так же, как и я, надев маску и скрывая истинные мысли.

– Я знал, что он недостойный моей девочки, фальшивка. Ты забываешь о том, кто я и кем вырастил тебя. Это слишком далеко от дома, значит, будешь появляться нечасто. – Задвигая один стул за другим, вызывает у меня оскому.

Вот об этом как раз я никогда не забуду, особенно кем он является.

– Ты сам говорил, надо получить высшее образование, оправдать надежды. – Обхожу стол с другой стороны, пока он не ловит меня, заграждая дорогу к двери. – Мне надоело затворничество, я больше не нуждаюсь в домашнем обучении после травмы. Прости, пора собирать вещи.

– Твой дядя провел со мной несколько сеансов гипноза, успокоил меня, что с тобой будет все замечательно. Я поддержу во всем, главное, чтобы тебе было комфортно. – Его глаза начинают странно блестеть. – Если тебе хорошо, тогда и мне хорошо. Береги себя и свое здоровье.

Я опускаю голову, сдаваясь под его напором. Влажные губы касаются моего лба. Меня тошнит от чувств, которые он вызывает во мне. Быстрей бы исчезнуть из этого дома и запереться в своей темнушке.

– Ты покрылась гусиной кожей. – Мужчина сжимает мои плечи и притягивает к себе. – Я чего-то не знаю? Или снова нужен психиатр? Давай попрошу Ари приехать?

– Нервничаю перед отъездом и всего-то. Тяжело покидать родной дом, дядя ничем не поможет. – Улыбка выходит вымученной. – Мне, правда, пора.

Питер разжимает руки, я начинаю дышать полной грудью. Одергивая рукава толстовки, тяну их чуть ли не до кончиков ногтей.

– Мне жаль, что произошедшее сделало тебя изгоем. Ты так любила девчонок, с которыми тренировалась… Я хочу вернуть мою девочку. – Он кажется расстроенным, но, к сожалению, это показуха.

– Все будет хорошо. – Киваю подбородком в сторону длинного коридора. – Я пошла. Такси скоро будет около дома.

– Такси? – Он удивлен. – У нас что, нет машины, которая доставит тебя в аэропорт? Ты собралась самостоятельно зарабатывать, жить в общежитии. Что ты творишь?! – он начинает часто дышать.

– Хочу все по-взрослому, самостоятельно. – Мужчина не верит мне, его густые хмурые брови сдвигаются. – Это необходимо для меня. – Переступаю через себя, снова подхожу к нему и повисаю на шее. – Спасибо тебе за поддержку, папа.

Губы дрогнули на последнем слове, предательски защипало в носу, почему все не так, как раньше? И один поступок меняет всю мою жизнь.

– Все, я больше не лезу. Главное, без выкрутасов. Не забывай о травме. Поддерживаю твою самостоятельность, помню слова Ари и думаю, у тебя все получится. – Он сжимает мои плечи, привычно смотрит на наручные часы и на швейцара, открывающего дверь для водителя, извещающего о том, что Питер должен уходить. – Счастливого пути.

От суетливого и любящего человека не осталось и следа. Он будто забыл о моем существовании или рад отъезду. Я все еще смотрю ему вслед, то, как он надевает поверх костюма-тройки легкий плащ, вытягивает из тубы зонт и опирается на него. Шляпа, надвинутая на лоб, и взгляд вполоборота. Питер что-то собирается мне сказать, и, чувствую, это мне точно не понравится.

– Кстати, твоя будущая сестренка очень напоминает тебя в детстве, такая же хрупкая и маленькая. – Белоснежные искусственные зубы из слоновой кости так натягиваются на его губах, что становится жутко. – Не могу дождаться, когда завершится эта волокита с документами.

– А что не так с ее родителями? – У меня нервно дергается глаз.

– Слишком напоминает усопшую мать, или потому что не все мужчины так привязаны к детям, как я. Не знаю. Но дяде пришлось поработать над ее психикой. Бедная девочка совсем потеряна. Я сделаю ее жизнь волшебной, как и твою однажды. Омрачает то, что вы не познакомитесь, и все из-за решения учиться в такой дали. Придется что-то придумать. Жаль.

– Зачем тебе еще дети? – Я знаю, что за подобный вопрос могу получить выговор.

Питер смотрит на меня иначе, совсем как тогда в больнице, с долей тоски и разочарования.

– У меня есть разочарования в жизни, и одно из них – невозможность иметь детей. Тебе скоро двадцать один, и то, насколько ты от меня отдалилась, заметно невооружённым взглядом, а я все еще должен делиться своей нежностью. – Хлопок входной двери, виток свежего воздуха, пропитанного дождем, вызвал у меня рвотный рефлекс. – Ты побледнела. Хейли, девочка. – Озабоченно он идет ко мне навстречу, но мой желудок совсем другого мнения.

Сжимая ладонями рот, я бегу к себе в комнату, дергаю двери и влетаю в туалет, согнувшись пополам извергаю все, что только что съела. Звуки моего позора смешиваются с шумом воды, смывающей все страхи, появившиеся перед моими глазами. Выравниваюсь, включаю кран с ледяной водой, раз за разом смачиваю лицо, пока кожа не становится красной и стянутой.

Со всей злостью бью по баночкам, стоящим на полочках, они летят на пол и разбиваются об плитку, хватаю полотенца, расчёски, косметику – все, что попадается под руку, разрушается, точно так же, как однажды мое детство, юность. Вся моя ненавистная жизнь. Вылетаю из ванной комнаты, сдираю плед с кровати, достаю ножницы с полки и кромсаю его с извращенным удовольствием. Ткань никак не поддается, поэтому становлюсь на нее и тяну вверх, пока

громкий треск не заполняет все мое нутро. Я чувствую себя этой тряпкой. Сшивая края, ты все равно не сделаешь так, как было в оригинале, всегда останется уродливый шов, торчащие нитки, отличающиеся по цвету. Фальшивка!

Я все еще не могу поверить, что опекун нарушил ход моего тщательно спланированного плана. Продать дом, напичканный моими скелетами в шкафу! Если кто-то найдет то, что я прячу, моим планам не сбыться! Нарушив все, он сейчас доволен собой и потирает ладонями. Я придумаю, как достигнуть цели.

– Ублюдок конченый, – говорю сквозь зубы, одеревенелые пальцы трясутся, желая разбить несчастную рамку и швырнуть куда подальше, но тогда он не даст мне шанс сбежать от него, и я стану свидетелем этого ужаса.

Глава 3
Чейз

Говорят, брови человеку нужны для того, чтобы пот, стекающий по лбу, задерживался на них. И все это абсолютная фигня. Проверено на себе. Бандана не спасала от палящего солнца, голову пекло будь здоров, пока мы с парнями крепили коричневый профлист к доскам. Я держался за трубу одной рукой, второй – за штаны Ханта, закручивающего шуруповёртом саморез. Терренс стоял на шаткой лестнице, грязными перчатками удерживая лист, чтобы он не съехал в сторону. Нам осталось добить буквально этот огрызок и спуститься. Но профлист гулял под порывами ветра и пугал меня до чертиков. Обувь буквально плавилась, соприкасаясь с металлом.

Капли пота стекали по моему телу, я боялся убрать руку от трубы и сорваться вместе со старшим братом на голову среднему. Глаза уже начало жечь от соли, скривившись, я пытаюсь голым плечом вытереть веко, но ничего не выходит. Под звон шуруповёрта и натяжку штанов напрягаю мышцы. Шум в ушах так задолбал, словами не передать. Наклоняю голову и трясу ей из стороны в сторону, разбрасывая брызги вокруг себя.

– Ну, спасибо, козлина! – орет Хантер.

Усмехаюсь, блин, я помогаю, как могу. Никто не тащил их делать крышу, выбор мог вполне пасть на готовку. Хотя и это лишнее, я покину дом. Все решили, что завершить ремонт надо обязательно именно сейчас. Я не считал эту идею хорошей по двум причинам. Первая – это солнечная погода и невыносимая жара, а вторая – опасность. Желание накопить на ремонт крыши и не лезть на высоту связано с боязнью высоты.

Шуруповёрт прекращает звенеть, Хантер поворачивается, выдергивает шнур из розетки и скидывает удлинитель с крыши. Он выпрямляется и отрывает от себя мои намертво приросшие пальцы к шлейке штанины.

– Ты в порядке? – Встревоженно он наблюдает, как я второй рукой обхватываю трубу, буквально обвиваясь вокруг нее змеей.

– Струхнул чуток, – ржет Терренс хриплым голосом, – употел сопляк.

– Да пошел ты. – Я пытаюсь сделать так, чтобы мой голос был таким же воинственным, как и у моих братьев, но выходит черте что. – Она шатается, думаю, может, ее закрепить?

– Ага, ну как же. Шатается она, а тебя, лося, удерживает. Паникер, – ржет Терренс, вот за что я не перевариваю среднего брата, так это за издевки. – Представляю, как ему однажды придется сделать нечто такое для девушки. Например, забраться сделать предложение или снять ее с пожарной лестницы тридцатипятиэтажного здания.

У меня от одной мысли перехватило дыхание, чтобы не упасть в обморок, я стал наблюдать за Хантом. Он как опытный скалолаз передвигается по крыше, закрывая углы кусочками, приготовленными заранее, пока я щурюсь на солнце, напоминая сейчас сосиску на шпажке. Какое-то шевеление со стороны привлекает мое внимание. Терренс с перепуганными глазами качается из стороны в сторону, хватается руками за хлипкий прикрепленный лист, и его откидывает немного назад. Во мне борются трус и герой одновременно. Отпустив трубу, я кидаюсь помогать среднему брату, еле удерживаясь, чтобы не смотреть вниз, скатываюсь на пятой точке и протягиваю руку.

– Куда ты собрался? – басит Хантер. – Тер, идиот.

Веревка оказывается поперек моего живота, больно перетягивает кожу, но удерживает на месте. Резиновые шипы на перчатках останавливают от скольжения. Брат помогает мне подняться на ноги и возвращает к трубе.

– Стой здесь! Я помогу тебе спуститься. – Хантер с грозным видом передает шуруповёрт брату. – Лестница шатается, – бубнит он, – придумал бы что-то существеннее.

– Да ему и этого хватило, – не унимается Тер. – Ладно, ладно. – Издает смешок, и его макушка пропадает из вида.

Дергаю веревку, перетягивающую мои бедра, когда он успел привязать ее ко мне? Я настолько боюсь высоты, что даже не заметил того, что брат давно позаботился о моей безопасности.

– Спасибо. – Цепляюсь за ладонь брата, делаю аккуратный шаг к лестнице.

– Будто я позволил бы тебе сорваться отсюда. Малой, ты совсем из ума выжил со своим одиночеством, – говорит он мне, пока я спускаюсь.

Как только мои ноги твердо стоят на траве, уверенность возвращается в полную силу. Глазами ищу моего придурочного среднего брата, чтобы хорошенько ему навалять. Пока он умывается, включив воду в шланге, тихо подхожу к нему сзади и обхватываю горло, сжимая его в захвате.

– Ах ты, мелкий гаденыш. – Он пытается выкрутиться, но я упираю колено ему в позвоночник и еще сильнее стягиваю шею.

Парень что-то хрипит, локоть летит мне в бок, я отпускаю его, оставшись невредимым. Выставив передо мной кулаки, Терренс с наглой ухмылкой делает выпад.

– Ой, мальчики, как хорошо, что вы закончили, время обеда, и мы уже все приготовили. Хватит ерундой заниматься. – Мы сосредотачиваемся на словах строгой Винни. – Руки мыть и за стол.

Средний брат тут же меняет тактику, облизнув свои губы, увлеченно следит за мягким покачиванием бедер длинноногой Винни, я, долго не раздумывая, бью ему подзатыльник и несусь на всей скорости к дому, опередив девушку. Захлопнув дверь и уперевшись ногой в косяк, я удерживаю ее, пока с той стороны дергают ручку, пытаясь открыть. Маты, которыми меня покрывают братья, я оглядываюсь на тоненький смех Уиллоу, появившейся за моей спиной. В ее руках полотенце и кружка, которую она тщательно вытирает.

– Я так давно не слышала твой смех… Дом будто ожил, и ты вместе с ним.

Смутившись на миг и помедлив от непонятных эмоций, я расслабляюсь, позабыв о двери, которая внезапно открывается, и на меня налетают два огромных тела, повалив на пол. Сквозь град легких ударов, летящих в разные точки корпуса, я уворачиваюсь от попыток меня побороть. Мы превращаемся в клубок смеющихся идиотов, катающихся по полу, грязные и потные, но ощущение абсолютного счастья, даже несмотря на каплю крови из разбитой губы, не омрачает наше настроение.

– Да вы его сейчас задушите! – вскрикивает встревоженная Уиллоу, Хант исчезает тут же из виду, получив напоследок хороший удар по ребрам.

– Ты о ком переживаешь, малышка. Этот бугай сам кого угодно задушит, – обиженно басит старший и идет за этой крохотной девчонкой на кухню, все еще объясняя, что мы просто баловались.

Скидываю с себя Терренса, которого тут же за шкирку хватает Винни, белая футболка трещит в ее хрупком кулаке. Поднимаясь, он возвышается над ней, как гора, и, напоследок пнув меня исподтишка ногой, он идет следом за парочкой.

– Я так и понял, что мне помощь не нужна, – громко говорю я. – Жалеть бывшего калеку не по-христиански, согласен.

Тут же на кухне раздается раздраженный или обреченный стон одного из парней, хлопок ткани и ругательство. Усмехнувшись, поднимаюсь с пола, подтягиваю спортивные штаны. Вытираю тыльной стороной руки разбитую губу. Затем, толкнув дверь в ванную комнату, умываюсь и переодеваю свежую футболку, услужливо ожидающую меня на вешалке после легкого душа. Ребята крутятся, помогая девушкам, пока я по-королевски усаживаюсь на стул и жду, когда они меня накормят. Жареная картошка – странная пища, но мне нравится. Быстро и сердито.

– Мог бы достать тарелки. – Терренс со звоном ставит одну из них передо мной, тут же пожимает плечами, возмущенный тем, что кто-то цокнул. – Вы его балуете, он сам может поухаживать за собой.

– Я обделенный вниманием и несчастный. А теперь еще раненый. У меня есть кровь, Винс? – жалобно стону я.

Девушка неодобрительно косится на Терренса, услышав в ответ «это не я», Хантер тут же толкает своего двойняшку в плечо, едва не расплескав молоко в стакане.

– Мог бы поаккуратней, видишь, каким нежным он стал, – насмешливо говорит Хант и получает толчок в спину от Уиллоу.

– Мог бы и заткнуться, – раздраженно говорит она и присаживается передо мной на колени. – Сейчас возьму лед. Подожди минуточку.

Я приподнимаю брови, тут же растекаюсь в довольной улыбке, пока она не видит.

– Козел. – Хантер не очень рад такому положению дел, в отличие от меня. – Он симулирует, а ты переживаешь.

– Ой-ой, – делаю самое несчастное лицо, чуть ли не давлю слезы, пока около меня крутится блондинка, – еще здесь очень болит. – Указываю на ребра, Винни оглядывается, встревоженная, но тут же понимает, что к чему. Ее точно невозможно провести.

– В ребре может быть трещина, Хант! – пищит Уиллоу, пока я стягиваю медленно край резинки штанов. – Там тоже болит? – Ее глаза округляются, она уже и забыла о том, что я великий симулятор. – Ах, ты! – до нее, наконец, доходит вся ситуация, шлепнув пакетом со льдом по ушибу, она садится рядом со своим парнем. – Он меня провел.

– Будто это новость. – Все начинают смеяться, я вместе с ними. – Я следующий в душ, – Хантер поднимается и исчезает из вида.

Дом и правда ожил, все настолько изменилось, что узнать его практически невозможно. Будто открыл второе дыхание, но чего-то не хватало. Вроде и тарелки наполнены едой, свежие булочки в плетенной вазочке, наши любимые столовые приборы, чуть ли не именные. Я чув-

ствовал все иначе – другие мы и будущее, маячившее перед нами. Все случившееся не прошло бесследно, и у нас осталось нечто такое, чего не было у других. Когда вернулся мой второй брат, все уже расселись за столом. Хрупкая ладонь Винни коснулась моей, она нерешительно гладит мой сжатый кулак, и я вопросительно смотрю на нее, затем на каждого из собравшихся. Они держатся за руки, только я размыкаю эту цепь.

– Молиться? – Неожиданно для себя, у меня получается странное фырканье. – Ты же ненавидишь это, Винс. Меня должно настораживать такое ее поведение?

Она вынуждает меня раскрыть свои пальцы, крепко цепляется, опускает голову, закрывая глаза, то же самое делают и другие. Я чувствую теплые пальцы Уиллоу с другой стороны, глядя на мою семью, едва дышу.

– Спасибо тебе, Господи, за веру, которая живет в нас благодаря маме, – говорит приглушенно Хант. – За пищу, которую ты даешь нам, силу справиться со всеми преградами. Благослови нашу семью, собравшуюся за этим столом, аминь.

Тело отказывается двигаться после его молитвы, вот что осталось у нас. Наша вера, семейные традиции, несмотря ни на что мы вместе. Хватаю вилку, кручу ее в руках.

– Я хочу сдавать этот дом, пусть селятся в пустой без мебели. Деньги можем поделить на всех, – глухо произношу я.

– Да брось ты, – Терренс со скрипом отодвигает стул, чтобы достать из холодильника молоко. – Это нормально, я бы тоже жил в общежитии вместе с другими студентами, вместо того чтобы мотаться, да и быстрее закроешь кредит. Обеими руками за такую идею.

– Мы тоже немного собрали, думали машину помочь купить тебе… А раз такое дело, перекинем тебе на карту. – Хантер целует Уиллоу в щеку и поднимается, чтобы снова наполнить пустую тарелку. – Наш долг помогать тебе.

– Я буду сам оплачивать учебу. – смущенно отвечаю братьям, ковыряясь в тарелке.

– Деньги лишними не бывают. Ты должен хорошо питаться, – Терренс указывает на мою тарелку. – Запоминай эти моменты простой студенческой жизни, завтра все будет иначе. – Хлопает меня по плечу. – Преподаватель тоже хорошо…

Я тоже молодец, скрывал от них до последнего, хорошо, что не обиделись. Залпом выпиваю молоко и вытираю рот салфеткой.

– Вы же знаете, я хочу большего. – Начинаю кушать, пока до них доходит то, что я имею в виду.

– Вернуться в профессиональный спорт?! Черт возьми, да через мой труп. – Мой старший брат швыряет в раковину свою вилку. – После всего, что произошло, после всех страданий в футболе? Да я удавлю тебя собственными руками.

– Не дури, Чейз. – Винни тут же успокаивает собирающегося мне хорошенько треснуть среднего брата. – Забудь о спорте. Тренировки команды и все.

– Если у меня будет возможность… – Прищуриваю один глаз.

– Ему безразлично, разве вы не видите? Этот придурок решил, что справился со всем, – издевательски смеется Терренс. – Упрямый поганец. Только имей в виду, что еще одна травма, и не жди чудес. В лучшем случае останешься инвалидом. Я не буду хоронить тебя! Семья и так испытала столько потрясений. Не уверен, что мы выдержим еще одну потерю. Думай мозгами хоть немного!

Кухня мгновенно заполняется шумом, они пытаются без моего собственного мнения сделать выводы и тут же решить проблему. Мои братья начинают разговаривать на повышенных тонах, только Уиллоу остается спокойной, она не участвует в перепалке, двигает ко мне ближе стул, берет мое лицо в свои ладони и заглядывает в глаза.

– Начинай, – усмехаюсь я. – Решила поменять одного брата на другого? Я не против. – Вытягиваю губы трубочкой, дразня ее.

– Кто ты? Я не узнаю тебя. Из смазливого мальчишки ты превратился в дерзкого парня, намеренно разжигающего скандал. Но знаешь, что вижу я? – Она притягивает меня ближе к себе. – Тебе все еще больно, и колючки не помогают. Делая больно другим, больше всех страдаешь ты. Оно того не стоит.

– Ты не можешь знать это, – взрываюсь я.

Я встаю, освободившись от девушки, хлопаю по столу ладонями, привлекая всеобщее внимание.

– У меня остались еще дела. Как вы уже знаете, завтра начинается учеба. – Поджимаю губы, двигаясь спиной вперед. – Еще раз спасибо вам за помощь и поддержку. Обещаю оправдать доверие и отплатить вам той же монетой. Ключи у вас есть… так что… – Хантер делает широкий шаг, хватает меня за футболку и резко дергает на себя, крепко обняв, он громко стучит по моей спине.

– Используй удачу. Звони постоянно. Мы всегда поможем! И приезжай к нам, как только будут каникулы! – Он отступает назад, уступив место потоку девчачьих объятий, их глаза на мокром месте, будто отправляют меня на войну. – Клиентов на дом найдем, карточку укажем твою. Не беспокойся об этом.

– Подтягивайся, мелкий. – Тер не самый нежный из моих братьев, прижимает меня одной рукой. – Запомни, твоя жизнь бесценна, и возможность дана один раз. Делай вывод. Оставь все свои обиды, да, мы иногда выбирались отдохнуть, но до этого пахали, как проклятые. И помнили о тебе всегда!

– Понял, – коротко отвечаю ему и, хлопнув перед собой пару раз в ладони, останавливаюсь, чтобы оставить в памяти очередной момент. – Люблю вас.

Я сбегаю из дома, быстрым шагом передвигаюсь по дорожке до поворота и так по прямой, пока крыша не исчезает из вида. Только тогда я позволяю себе замедлиться; не умею прощаться. Зная, что еще один год пройдет вдали от них и от дома, одиночество, с которым я снова столкнусь, давит на меня. Я бы хотел сказать, что мне и без них хорошо, выкинуть какой-нибудь финт. Но это будет ложью, и мне хотелось бы стать первым из неисправимых лжецов, вставшим на верный путь. Так сказать, протоптать свою дорожку, построенную на честности. Сам того не замечая, иду по знакомой тропинке, знакомые коттеджи вверх по улице за старым парком. Маленький гостевой дом и куча воспоминаний, фотография, сделанная у камина в пять утра, и девушка, с которой я готов был построить свою семью.

Глава 4
Хейли

Общежитие выглядело, как обычное типовое здание, такое же, как и все остальные. Красные кирпичные стены, по которым ползли ниточки из плюща, придавая немного зловещий образ всему комплексу. Сидя в машине, я все не решалась ступить на студенческую землю. После нескольких лет домашнего обучения у меня напрочь пропало желание общаться с другими. Это придется делиться сокровенным, каждому объяснять. Глядя на кучки студентов, валяющихся на траве с книжками в руках, хипстеров и парочек музыкантов, на душе становилось погано. Я не отношу себя ни к одной из этих каст.

Мимо пробегает студент с охапкой книг в руках, одна из них падает прямо перед капотом моей машины. Спускаю солнечные очки на переносицу и придвигаюсь к стеклу, когда парень останавливается и вся эта пирамидка распадается, стоит ему потянуться за той, которую обронил. Громко хлопаю жевательной резинкой и снова надуваю шар. Да уж… Пока этот соберет все свое барахло, пройдет вечность. Терпение заканчивается в момент, когда он облокачивается о капот и сжимает значок, едва не вырвав его. Резко раскрываю двери, одернув короткую джинсовую юбку, подхожу к парню.

– Рад, что ты решила помочь мне с этим. – Не поднимая головы, он все еще стоит на коленях и пытается достать из-под машины книгу.

Рассматриваю выбритые по бокам виски светлых волос и подобие хвостика на макушке. Квадратная черная оправа модных очков, дыра в ухе, черные глаза с интересом путешествуют по моим голым ногам, останавливаясь в районе глубокого разреза на свободной майке.

– Убирайся к чертовой матери, недоносок. Я машину не могу припарковать из-за тебя. – Скрещиваю руки на груди, упираясь бедром об машину.

– Ну да, помощник из тебя никакой. Смелый выбор, кстати. – Он все еще копошится, достаю зажигалку из узкого кармана и выискиваю место, где можно покурить.

– Я бы на твоем месте спрятал это куда подальше, – доносится его голос снизу. – Здесь вроде как спортивный универ: ты либо скрываешься, либо вылетаешь с факультета.

– С чего бы? Прям такой осведомленный. – Беру в подлокотнике пачку ментоловых сигарет. – Кто сказал, что я спортсменка?

– Первое мнение обычно самое верное. – Он, наконец, поднимается, и я замечаю, насколько он высокий, представив, какая ему нужна девушка с таким ростом. – Я тщательно изучал место, куда поступаю.

– Заучка, – саркастически замечаю я.

– Этого не скрыть, да? – Он кладет книги на капот моей машины, вытягивая ладонь передо мной. – Шейн Симпсон. Капитан школьной сборной по водному поло. Собственно, если пошевелюсь, у тебя будет халявная возможность побарахтаться в бассейне по блату. – Я закатываю глаза, до чего распространённая фамилия. Встретить здесь земляка, да какого хрена вообще. – Научу разным финтам, прыгать с вышки или возьму к себе в команду.

– Я пас, – прыскаю от смеха, прищурив глаза, с недоверием рассматриваю его загорелую руку, рельефные мышцы, вырисовывающиеся сквозь белую ткань футболки. – Хейли. – Игнорирую его желание пожать мне руку. – Убрал свою макулатуру с моей тачки.

Хмыкнув, он собирает свое барахло, снова выстроив пирамиду. Проходит мимо меня, пока я внимательно выслеживаю кучки народа, передвигающихся по территории. Где-то должна быть курилка, раз все такие правильные. Хотя блондинчик прав, все выглядят очень спортивными и подтянутыми, даже этот чудак, играющий на гитаре.

– Я могу проводить тебя в тайное место, где все предаются греху? – Книголюб становится рядом со мной и так же, как я, облокачивается о дверь.

– Чего? – У меня приоткрывается рот. – Ты разве не новенький?

– Но жутко общительный. Пошли за мной. – Он столько времени потратил на то, чтобы собрать книги, теперь же спокойно оставляет их на капоте и хватает меня за руку. – Шевелись, давай, следующий раз оденься удобнее.

– Удобнее для чего? – Мы проходим мимо группы девчонок, и я вынуждена прижаться к незнакомцу, он не оставляет мне другого шанса.

– Для долгих прогулок. У тебя очень знакомое лицо. Возможно такое, чтобы мы были знакомы ранее? – Болтун все никак не уймётся, и мне начинает казаться, что идея с перекуром была опрометчивой.

– Я с такими, как ты, не знакомлюсь, без обид.

Мы как-то резко останавливаемся, я чуть не впечатываюсь в разукрашенную граффити урну, наполненную окурками.

– Симпатичное местечко. А теперь свободен. – Скептически приподнимаю бровь на его громкое хмыканье. – Назад дорогу найду.

– Окей. – Как-то совсем быстро соглашается он и разворачивается, чтобы уйти.

Вытаскиваю сигарету из пачки, поджигаю ее и втягиваю в себя никотин. Меня окружают высокие деревья, кроны которых громко шумят. Смотрю вслед высокому парню, который то и дело поворачивается. Интересно, какой процент того, что меня могут узнать? Хотя одной из причин поехать учиться в этот университет была именно избирательность. Тут меня никто не знает. Братья так глубоко не ковырялись в моей душе, да и сомневаюсь, что ситуация с поступлением изменилась. Вспомнив о них, мое и без того плохое настроение омрачается. Я порвала связь с одним из них именно по той причине, что он хотел большего, а я старалась уберечь от себя. Тер был единственным, с кем я до сих пор держала связь. И он убедил меня, что мы с Чейзом точно не пересечемся и я могу спокойно решать свои дела.

Парни Кинг… Они стали моим вторым дыханием – то, как они выживали в этом несправедливом и жестоком мире, меня восхищало. Я забывала обо всем рядом с ними, научилась радоваться мелочам и сочувствовать чужому горю.

Выкидываю недокуренный окурок в урну, предварительно его затушив, и иду к своей машине. Мимо меня проносится девушка, задрав голову к небу. Ее странная пробежка настораживает меня, поэтому, услышав громкий вскрик по ту сторону, я тут же реагирую. Выпуклый тяжелый мяч летит прямо мне в голову. Вытянув обе руки, я ловлю его, прежде чем получить очередную травму. Шнуровка выглядит потрепанной и старой, но ощущение покалывания в пальцах неповторимы. Я позволяю теплу разлиться по всему телу, наполнив его старыми воспоминаниями. До того, как все скатилось в яму по наклонной.

– Неплохо для девчонки, – усмехается мой недавний знакомый, теперь его руки свободны, он забирает у меня мяч и нелепо крутит его в руках. – Кажется, я вспомнил, где тебя видел.

– В своем самом страшном сне. – Я тут же обрастаю иголками, ощетинившись. Отталкиваю его от себя и иду прямиком к машине. Если узнал он, точно так же будет и с другими. Надо было быть абсолютной дурой, чтобы мечтать об обратном. Я слышу, что он идет следом за мной, как охотничий пес, вынюхивая меня по следам. Открываю двери машины и нажимаю на кнопку открытия багажника. Обхожу автомобиль и становлюсь в ожидании. Мои два чемодана неподъемные, но я не жалуюсь. Все, что мне необходимо на первое время, собрано, а там уже буду смотреть по ситуации. В конце концов, закусочные любят брать на работу студентов, им кажется, что таким образом они делают нас счастливыми. Парень стоит над моей душой, пока я сражаюсь с кожаной ручкой, тяну квадратное нечто в разные стороны, сталкивая ближе к краю. Мне надо всего лишь спустить чемодан на асфальт, а дальше за меня все сделают колесики.

– Хорошо, что ты тоже здесь живешь. Отойди в сторону, упрямая. – Парень легко вытаскивает поклажу и ставит на ребро. – Жаль, что ты закончила со спортом.

– Тебя родители не учили не лезть в чужие дела? – Выдергиваю у него длинную ручку и пытаюсь укатить оба чемодана.

– Я вроде как фанател от твоей подачи. День, когда ты слила игру, а затем получила травму, был весьма болезненным. СМИ трубили об этом на каждом углу, тут попробуй пропусти и забудь. – Будто не слушая меня, он забирает ручку и идет рядом со мной. – Ты все равно не дотащишь ни один из них в общагу. Там нет лифтов, весь первый этаж уже занят, так что дальше тебя ждет лестница.

– А ты решил стать добродетелью и помочь слабой девушке? – Выплевываю жевательную резинку в ближайшую урну и ускоряю шаг.

– Тебя нельзя назвать слабой. Практически самая сильная девчачья команда. – Он, кажется, никогда не заткнет свою пасть. – В универе есть такие, кто пытаются быть, как ты. Но это полный беспредел. Ужас накрывает каждый раз, когда эти неповоротливые коровы выходят на поле. Вон те второкурсницы – новая футбольная команда. – Я смотрю, куда он показывает.

Толпа девушек, больше похожих на пацанов из очередного реалити-шоу. Они все как на подбор, то и дело можно услышать мат через мат. Хотя я же не ожидала обилия розового и маленьких собачек рядом с ними. Спортивное телосложение, удобная одежда, они знают себе цену и могут запросто навалять.

Они замечают, что я на них пялюсь, и старательно прячу глаза за темными стеклами. Думаю, они меня обязаны ненавидеть, я привела свою команду к громкому проигрышу, за который мне до сих пор стыдно.

Мы подходим к зданию, Шейн поднимает мои чемоданы по лестнице вверх, широкий коридор, и женщина на входе проверяет допуск к заселению всех студентов. Есть определённая последовательность, сначала мальчики, потом девочки. И все в одном здании? Заполнив несколько бланков, замечаю, что все комнаты уже заняты. Я последняя, видимо, на заселение. Напротив моей фамилии вижу имя новой соседки, Шайен. Прикольно, как в песне. Надеюсь, она не зануда.

– Обычно парни уходят в левое крыло, девочки – в правое. Но есть вариант встретиться на балконе и по пожарной лестнице перебраться в комнату своей подружки. Тонкости техники. – Блондин решил, что он мой гид.

– А мне плевать. – Двигаюсь вперед в очереди и показываю свой допуск. Женщина посылает меня на второй этаж, пока парнишка трудится, надрывая свой зад моими чемоданами. Переступая через две лестницы, оказываюсь в конце коридора.

– Как в воду глядел. Будет удобно делать уроки вместе. – Я оборачиваюсь, чтобы увидеть это довольное выражение лица.

– Не обломится. Спасибо за помощь. Вот тебе пять баксов за труд. – Он оскорблен, поэтому достаю еще одну купюру и протягиваю ему, от которой блондин уворачивается. Он толкает дверь и заходит вперед меня в комнату.

– Я скоро вернусь, пару моментов с заполнением документов. Устраивайся пока, потом решим, что делать дальше. Или тебе еще нужна помощь?

Отрицательно качаю головой, лишь бы он поскорей убрался и оставил меня в покое. Такие парни – как пиявка, присосался – не оторвешь.

– Я сказала уже тебе все, что хотела. Может, освободишь территорию? И не надо возвращаться. – Мой наглый тон нисколько его не смущает, но он, наконец, решает, что пора свалить. Мои плечи расслабляются, когда за ним закрывается дверь.

Пустые стены, обои в полосочку, почти как небо в клеточку, напоминает тюрьму, к которой я в какой-то степени привыкла. И сейчас я должна почувствовать вкус свободы, такой желанной, но мнимой. У меня все еще осталось незавершенное дело, надо обязательно проверить тайник. Стольких усилий было приложено к тому, чтобы оказаться в этом университете ради моей маленькой тайны. Улика, которая в судный день должна сыграть очень важную роль. Отодвигаю чемоданы со своего пути и становлюсь напротив окна. Зеленое поле для игры в футбол. Это насмешка судьбы? Теперь я должна просыпаться каждое утро и наблюдать за тренировками и не участвовать.

Парни кидают без особого желания мяч, это даже не разминка, просто баловство. Я почему-то вспоминаю Чейза, момент падения, и мне становится не по себе. Что, если он появится здесь? Вообще, какая вероятность по шкале от одного до ста? Глупости все это, придет же в голову.

Мне приходится отвлечься от созерцания футбольного поля, чемоданы не желали распаковываться самостоятельно, да и поесть было бы неплохо. Рассчитать примерное расстояние и разложить все по полочкам.

Оглядев пространство, я вижу шкаф, в который вместится все то, что я взяла с собой: скромный гардероб на все случаи жизни… Письменный стол, уже не раз покрытый лаком, обшитый тканью стул. Вопрос еще в том, кого ко мне подселят. Соседняя кровать все еще пустует, но под ней лежит сумка, скорчив мину, я читаю название одной из известных фирм. Значит, все-таки я тут буду не одна. Ну хоть душ есть. Какое счастье!

Раскрываю свой чемодан, вытаскиваю вещи, разложенные по стопкам. Трусики, лифчики, футболки в основном темные, но самое необходимое лежало на дне сумки. Приставка, она поможет мне на некоторое время затаиться и позаботиться о себе самостоятельно. Соседка будет не особо рада моему увлечению, думаю, договоримся по ходу дела. Телевизор, висящий на одной из стен, был крайне неудобен своим расположением. Выкинув охапку вещей на соседнюю кровать и аккуратно поставив приставку, я забираюсь на стул, а затем на столешницу, пошатываясь из стороны в сторону. Добравшись, наконец-то, до телевизора, заглядываю в поисках нужного мне разъема.

– Вот же блин. – Телевизор начинает съезжать с крепления, я хватаю его, раскачиваясь на столе с неустойчивыми ножками.

Вскрикнув, начинаю скатываться по накренившейся поверхности прямиком на соседскую кровать, телевизор вылетает из моих рук, и все, что мне остается, – закрыть глаза и стиснуть зубы от негодования. Но треска не было. Тут же соскакиваю, чтобы увидеть блондинистые волосы красавчика.

– Он нам еще понадобится, так понимаю? – спрашивает он меня, не без удовольствия созерцая край моих трусиков из-под задравшейся джинсовой юбки.

– Опять ты! Что мне сделать для того, чтобы ты исчез? У тебя есть лампа волшебная, волосок в бороде, кольцо всевластия? Каким-то же образом я могу избавиться от твоего присутствия? – Поднимаюсь с кровати.

– Это невозможно, – отзывается он небрежно.

– Хах, конечно возможно. Я сменю замок, поставлю сигнализацию и попрошу коменданта оградить меня от твоего назойливого присутствия. – Встав и уперев руки в бока, все еще прикидываю, какие сделать покупки для полноценного удобства. Вытаскиваю телефон из заднего кармана. Так. Мне нужен нормальный стул, стол. Бросаю взгляд на маленький экран техники, все еще удерживаемой пловцом. Ладно, разорюсь для себя любимой. – Кстати, тут кто-то уже поселился, и я хочу попросить тебя не собирать компромат на меня. Сплетни никто не любит.

– Ты имеешь в виду следы от твоей обуви на светлой наволочке? Про стол, за которым будет заниматься твой сосед, превращенный в мусор? Или ты о своей загубленной спортивной карьере? – Он становится рядом со мной, заглядывает мне в лицо, растопырив пальцы, я отталкиваю его дальше от себя.

– Соседка, ты имел в виду, но за это можешь не переживать, я найду к ней подход. А вот про спорт завязывай. Кто много знает – плохо кончит. – Злорадный смех рядом со мной заставляет меня поднять на него взгляд. – Что это значит?

Симпсон вручает мне телевизор, затем приподнимает сломанный стол за ножку, что-то там прикручивает. Промучившись несколько секунд, он позволяет мебели снова громко рухнуть, ударившись о спинку кровати. Последней каплей является маленькая фотография, которая падает на пол и разбивается.

– Твой парень? – Прищуривает один глаз. – Хорошо смотритесь.

– Ладно, вали уже отсюда, мне надо за покупками. – Убираю телевизор на свою кровать, выхватываю рамку и вытаскиваю фото. – Давай быстрей, у меня нет времени ждать, пока принцесса ускорится. – Он странно усмехается и лезет под кровать к вещам моей соседки. – Эй, я нажалуюсь на тебя! Не трогай чужие вещи, пловец.

– Ошибочка, мисс. Они мои. – Рассержено я пересекаю расстояние между нами. И выдергиваю сумку моей соседки из его рук.

– Я сказала, не трогай! Шайен, или как ее там, скоро заедет сюда и… – Тут до меня доходит. – Шейн?

– Да-а-а-а, – довольно тянет он. – Шейн Симпсон. Твоя новая соседка. Верней, сосед!

С громким стоном бью себя по лбу, окончательно разочаровавшись в сегодняшнем дне.

Глава 5
Чейз

Здесь все иначе: постоянное движение, расписание и студенты, обучающиеся на разных факультетах. Я ощущал себя старым в своей группе, хотя и был только на год старше. Изначально они смотрели на меня, как на недоноска, который пропустил свой год учебы, профилонил намеренно. У меня была позиция не разглашать информацию о себе, не отвечать на домыслы интересующихся. Но чем больше молчал, тем быстрее моя жизнь обрастала все большими слухами. Особенный интерес исходил от женской половины общаги, разделенной на две части. Спрос на меня был дикий, приняв их игру, я стал загадочным засранцем с темным прошлым, и, как ни странно, мне это нравилось. Пользоваться определенными привилегиями среди девушек, устраивая собственный отбор подружек, – в этом определенно был смысл.

Собираясь на очередную лекцию, я задержался в ванной комнате, после принятия душа побрызгался парфюмированной водой, купленной в ближайшем торговом центре. В воздухе все еще висели частички, когда двери открылись и на меня уставилась девица с размазанной тушью и всклокоченными волосами.

– Привет. – Совершенно не смущаясь своего внешнего вида, она поправляет чашечку только что надетого лифчика и становится рядом со мной напротив зеркала. – Ты так вкусно пахнешь. Хуго Босс?

Лосьон после бритья приятно щиплет кожу, пока я втираю его, похлопывая себя по щекам.

– А тебе не все ли равно? – Смачиваю ладони под проточной водой и провожу по ежику на голове.

– Грубиян. Девчонки рассказывали о том, что ты невыносимый. – Недовольная моими словами, она ждет, когда закончу. – Запасная зубная щетка есть?

Захожу за ее спину и аккуратно, стараясь не касаться ее пальцев, забираю свой предмет личной гигиены.

– С таким потоком не напасешься щеток. Все вопросы к Скотти. Мое не трогай, пальцы сломаю. – Неодобрение, промелькнувшее в ее взгляде, не цепляет меня.

– У тебя какие-то проблемы с общением? – Она наклоняется над раковиной, выдавив себе зубную пасту на палец, втягивает воду ртом, полоща странную смесь, стекающую белой пеной по уголкам губ.

Вытаскиваю салфетки и протираю еще раз лицо, выжидательно уставившись на наглую девку, решившую, что у нее особое положение. Кружевные трусики провалились в межбулочье, и ничего сексуального в этом не было. Комкаю салфетку и бросаю в ведро. Не отвечая на ее глупые вопросы, выхожу из ванной комнаты. Натянув на ходу приготовленную футболку, сталкиваюсь с уставшим кутилой, решившим устроить беспрецедентный финт.

– Прости, чувак, я знаю, что ты не любишь прикроватных вечеринок, но мы по-тихому. – Маленький герой в полосатых трусах устало трет затылок. – Только не злись, я скоро найду, куда съехать.

Хлопаю его по щеке сначала мягко, затем хватаю за шею, удерживая его прямо напротив себя. Разворачиваю лицом к двери и бью лбом об деревянное полотно. Пустой звук разносится по нашей комнате. Ошарашенный и испуганный взгляд сосредотачивается на мне. Его руки влетают вверх, но тут же опускаются, когда я выставляю кулак, немного отведя его в сторону.

– У меня тренировки каждый день в шесть утра. Поэтому, если еще раз ты приведешь своих девок к нам в комнату, я закончу начатое. У тебя есть знакомые пластические хирурги? – Он отчаянно трясет головой. – Вот и отлично. Быстрее ищи другое пристанище.

Позиция запугивания слабых обычно принадлежала Терренсу. Он любит использовать свою силу против таких, как Скотти. По моим наблюдениям, чтобы выжить в этом муравейнике, помимо силы, необходимо запастись терпением, использовать мозги и заработать авторитет. А сделать все это помогает метод наглого среднего брата. Похлопав по щекам растерянного соседа, я отхожу от него, как только появляется девушка легкого поведения, уже одетая в свое тряпье.

– У меня есть хорошая подружка, можем устроить двойное свидание. – Она пытается строить из себя паиньку, но хитрые глазки выдают ее грязную душонку с потрохами.

– Хламидиоз замучаюсь потом лечить, – со смешком выдаю я, поднимая с пола свой рюкзак с ноутбуком. – Убери все тут с антисептиком и сдай белье в стирку.

Парень тянется за моими солнечными очками, я указываю на него пальцем и медленно им шевелю.

– Прежде чем сделать это, вспомни о пластическом хирурге. – Надеваю очки и выхожу из комнаты.

Значит, теперь выводы, которые я сделал за это время. *Никому не доверяй.* Все дешевки хотят с тобой переспать, в надежде приобрести то ли иммунитет, то ли положение в обществе, то ли поделиться болячкой. Типа дерзкий парень и вешалка, идущая рядом, предварительно переспавшая с половиной корпуса. Парни ведутся, в большей степени, по той же самой причине: спят со всеми, потом лечат болячки или передают один другому, возмущаясь, кто же из них первым заразился. Антисептик, брезгливость и посторонние запахи. Все предметы личной гигиены должны храниться в шкафчике рядом с кроватью на замке, иначе однажды кто-то из приходящих воспользуется. Стычки, которых не избежать, решаются кулаками за территорией университета, иначе тебе грозит отчисление. Ты можешь дерзить, выпендриваться, изворачиваться, но однажды, оказавшись пойманным, ответишь по полной. Поэтому я предпочитаю решать внутренние конфликты тет-а-тет, без свидетелей и понтов.

Для знакомых я компанейский парень, придерживающийся определенных принципов, для чужих – крутой социопат. Вот как одно гармонирует с другим, непонятно.

Сбегаю по лестницам и иду вдоль общежития к курилке за углом. Единственное место, где собираются нормальные люди.

Компания парней уже стоят напротив друг друга, обсуждая утренние новости и планы. Даже учитывая то, что я не курю, это не меняет моего отношения к ним. Они оборачиваются и начинают здороваться со мной.

– Кинг, как у тебя с финансами? – Ридж треплет вьющиеся волосы. – Я вылетел из бургерной, поссорился с мамкой.

– Не густо, сколько тебе надо? – У меня, как и у любого студента, ветер гулял в карманах.

– Двадцатки хватит за глаза. – Тонкая сигарета зажата между губами, прищуренные глаза от едкого дыма.

Вытаскиваю весьма потрепанный портмоне с заднего кармана черных джинсов. Я вполне дотяну, особых затрат не ожидается. Что-то выпадает, и я не успеваю поднять, но это делает мой друг.

– Ого, это твоя девушка? Понимаю, почему ты всех динамишь. – Я выхватываю из его пальцев клочок фото и заталкиваю в угловой кармашек.

– Держи. – Протягиваю ему деньги. – Мы не обсуждаем личную жизнь.

– Почему? Я, например, бегаю за девчонкой, она классная, но баксы улетают на нее. Я пытаюсь взвесить все за и против этих встреч. Дороговато ухаживать за студенткой, запросы растут. Накладно устраивать собственную жизнь. Но меня это не парит, мне постоянство не нужно. В отличие от тебя. – Выкидывает сигарету в урну. – Потом познакомлю тебя со своей, как найду стоящую.

– Мне знакомств хватает в своей комнате. – Он понимающе улыбается, складывая деньги и убирая их в нагрудный карман.

– Слышал об этом. – Он кивает в сторону. – За тобой идет. – Я поворачиваюсь, чтобы увидеть своего тренера.

– Неожиданное место встречи. – Он не думал встретить нас в этом месте; политика университета предполагает запрет на табакокурение, поймать с поличным студента – означает донести. – Сделаю вид, что не видел вас здесь.

– Спасибо, сэр. – Ридж спешно сваливает, запутавшись своим рюкзаком в ближайшем кусте.

– Я увидел тебя, когда проходил, суматоха с новым сезоном, сам понимаешь, не до звонков. Подойди сегодня после пар в спортивный зал, поговорим о работе. – Он морщится, будто его не радует этот разговор. – Конечно, нестандартное решение, но я вот так не объясню.

– Заметано. – Стучу тетрадью по ладони и иду следом за Риджем, который ждет меня чуть поодаль.

– Чую, тебя ждет подстава. – Мы сворачиваем на дорожку, ведущую к классам, его очки с зеркальными красными стеклами делают из него еще большего придурка, чем он есть на самом деле.

– Поживем – увидим. – Сровнявшись с остальными студентами, я тут же получаю соблазнительные улыбки однокурсниц. – Я хочу вернуться в спорт любыми возможностями.

– Как акулы кружат. Ты чем дольше их дразнишь, тем сложней будет отделаться. – Одна из девчонок приклеивается к моему локтю, повиснув на нем. – О чем я только что и говорил.

– Решила украсить своим присутствием мое никчемное существование? – Томные глазки с обильно накрашенными ресницами взмывают вверх. – Я тебя не приглашал.

– Ой, Чейз, ну пожалуйста, можно я посижу с тобой? – Скулёж – этому, видимо, тоже учат с первых дней студенческой жизни. – В прошлый раз ты выбрал Анну, я тоже очень хочу.

– Иногда наши желания не совпадают с возможностями. – Стряхиваю ее с себя, оставив позади ровно за секунду до того, как она влепится в двери.

Рядом со мной раздается смешок Риджа, он все никак не привыкнет к моим «джентльменским выходкам». Девушки не понимают намеков – отвечая им конкретным «нет», они всегда слышат «да». Стоит подпустить их к себе, они, как кошки, по-хозяйски распоряжаются твоей жизнью, ложатся на твое место, изгоняя тебя на коврик у кровати. Меня это не устраивало. По привычке я осматриваю коридоры, как только мы оказываемся внутри помещения, меня постоянно мучает вопрос, а вдруг Хейли где-то рядом, вдруг она выбрала этот университет для того, чтобы быть ближе к своему дому и ко мне? Однажды мне даже показалось, что это она прошмыгнула в длинном коридоре, я поспешил следом, но обознался. Выглядело нелепо, в некотором смысле глупо оказаться на чужой лекции.

Сегодня был точно такой же день, как и обычный – ничего не изменилось. Разве что народ был более чем возбужден. Очередной вброс сплетни, которую все обсуждали. По обрывкам фраз я понял, что появилась команда, которую крышует некто из меценатов из-за чьей-то то ли сестры, то ли родственницы. Скорчив недовольную морду, Ридж задирает очки на макушку и усаживается за последним столом рядом со мной. Разместив ноутбук, я загружаю его одним нажатием кнопки.

Однокурсницы выстраиваются около дверного проема и сканируют класс, где удобнее сесть. Мне нужна выгодная позиция, я выбираю, кто из них сегодня станет моей бесплатной рабочей силой.

– Кортни обрезала свои ногти, – подсказывает Ридж, убирая рюкзак между нашими стульями. – Люси ничего не понимает в этом предмете, а Захара избавилась от глубокого разреза на кофточке и быстро печатает. Кажется, ты стал их воспитателем и ангелом-хранителем. Того и гляди полностью исправишь всю нашу группу. А еще эта шеренга, они ждут твоего вердикта.

Большим пальцем тру подбородок, пряча довольную улыбку. Да уж, они действительно раньше выглядели иначе. Мне нравилась загорелая кожа Захары, карие глаза Люси и пухлые губы Кортни. Если соединить их вместе, то получилась бы огнеопасная смесь, но изюминка принадлежала только одной девушке. Отмахиваюсь от мыслей, снова пронзающих мое воображение. Прошлое вспоминать – самое неблагодарное дело. Потеряв, уже не отыщешь.

– Захара, – громко произношу я, указывая на нее указательным пальцем. – Я оставил для тебя местечко.

Девушки разочарованы, но никто не спорит. Рассредоточившись в аудитории, они то и дело оглядываются на девушку, которая сегодня будет сидеть рядом со мной.

– Покажи ногти, – командую я, и тут же передо мной возникает аккуратный маникюр. – Засчитано. Садись, будешь со мной сидеть на всех лекциях. Напишешь все без ошибок.

Ридж растягивает губы, сплюснув их между собой; мои махинации с использованием женского труда нам двоим на руку. Я делюсь с ним лекциями, которые, кстати, отлично запоминаю на слух. Но у нас с ним всегда есть дела поважнее. Пока девушка усаживается между нами, прикрывая своим телом нас друг от друга, мы с другом загружаем приложение и устанавливаем таймер. Приняв к сведению все прошлые ошибки в игре, расставляю фигуры по полю. Коленка девочки касается моей, я откидываюсь на спинку стула и складываю ноги на соседний стул. В аудитории прекращается гул, когда входит профессор, шелестя бумагами, становится напротив интерактивной доски. Нажатием на кнопки он закрывает жалюзи и шторы на окнах, погружая нас в кромешную тьму. Мягкая ладонь ползет вверх по штанине и останавливается прямо около моего дружка. Я перехватываю ее руку и сжимаю сильней, чем положено.

– Лепесточек, займись лекцией. Сосредоточься, иначе просрешь все полимеры и в следующий раз на этом месте будет другая. – Переглядываюсь с Риджем, извещая его о готовности.

Даже не обидевшись, девушка садится ровнее и начинает усиленно стучать по клавишам. Смотрю на ее красивый профиль, возможно, если бы Хейли не появилась в моей жизни, я был бы не против, чтобы такая куколка помассировала меня сквозь джинсы, может, даже залезла под стол. Но ни одна девушка не заводит меня. Меня не вставляет от их истерик,

голоса, нет никакой физиологической реакции на их действия. Не спорю, у меня встанет, как и у любого другого здорового парня. Только не будет того удовольствия, которое приносит та самая девушка. Не будет этого всепоглощающего возбуждения и истомы, пронизывающей от одного взгляда.

– Я только что подбил твою ладью, – шепчет Ридж, уводя от мыслей о девушке, которая меня зацепила.

– Держи карман шире. – Запомнив его ходы в прошлый раз, махом ловлю его корабль, подбив.

Морской бой стал символом нашей дружбы. Я устраивал сокрушительные бои виртуально, пока ожидал предложение всей своей жизни. Возможно, меня вернут в спорт, как игрока, и тогда я покажу свои способности. Это должна быть судьбоносная, интересная и перспективная встреча.

– Я могу организовать переезд Скотти в мою комнату в ближайшие часы, – шепчет парень. – Будешь должен мне знакомство с твоей красавицей, – издевается Ридж.

– Дружище, я говорю один раз, стоит запомнить навсегда. Еще один вопрос о моей девушке, и я дам тебе в глаз. – И я не шучу, ее фотография – это тлеющие воспоминания о разбитой душе и пустоте, убивающей меня. – Правый фланг подбит, у меня новый сосед, и скоро появится работа. – Тяжелый вздох с той стороны стола, кажется, я попал в яблочко. Сам того не замечая, я сжимаю портмоне, достаю его и под столом раскрываю, чтобы убедиться. *Она все еще со мной*.

Глава 6
Хейли

Машина, взятая напрокат, была первым пунктом моего грандиозного плана. Я проехала на ней несколько миль и пожалела, что не купила себе подержанную, предложенную одним из студентов. Может, это была неплохая идея, и сейчас я не стояла бы на обочине в ожидании эвакуатора и Шейна. Вот уж действительно странность, парень всегда готов прийти на помощь. Это несвойственно ни одному из друзей моего опекуна, а тут просто жертвенность. Пинаю небольшой бугорок земли, затем наступаю на него, оставив глубокий отпечаток обуви, который тут же исчезает от сильного порыва ветра. Мимо меня пролетает Кадиллак белого цвета, убираю с глаз длинные волосы и присматриваюсь.

– И куда, интересно, он поехал? – Машина блондина доезжает до разрыва, разворачивается и останавливается рядом со мной.

– Милости прошу, мэм. – Он тянется, чтобы открыть мне дверь, я запрыгиваю в салон быстрее, чем он успевает это сделать.

– Прелесть машины без крыши. – Пристегиваюсь и жду, когда он тронется с места. – Кого ждем?

Мы переглядываемся, он выглядит смущенным и растерянным.

– Ты не собираешься дождаться эвакуатор? – спрашивает он, указывая большим пальцем на сдохшую тачку.

– Мне плевать, они меня обманули. И меня больше не интересует судьба этой рухляди. – Лезу к нему в бардачок, просто ради интереса ворошу все так усиленно сложенное по файлам, раскрываю. – Мне надо еще успеть по делам.

Он срывается с места, переключив скорость как Шумахер. Меня толкает вперед, а затем прижимает к сидению от такого вождения. Мечтательная улыбка постепенно растягивается в счастливую гримасу.

– У тебя газы? – Убираю документы, пока они не разлетелись.

Шейн, уже привыкший к моим шуточкам ниже пояса, начинает покатываться со смеху. Мои губы кривятся в улыбке, но успеваю взять себя в руки, чтобы не стать одной из тех идиоток, которые сдают позиции только ради одной улыбки такого, как этот симпатяга. Неужели я только что применила это мерзкое словечко по отношению к парню? Фу. Лезу к себе в сумочку, висящую на талии, достаю Риглис и отправляю в рот сразу две пластинки. Передо мной тут же появляется вытянутая рука.

– Тренируешься на будущее? – спрашиваю и кладу на его ладонь жевательную резинку.

– Ну да, кому нужны такие, как я? Ты мне уже столько раз говорила об этом, уж не знаю, как буду жить. – Широко раскрывая рот, он сексуально облизывает нижнюю губу, избавляя ее от сладости. – Ты сама зачем идешь на юриста?

Мой взгляд тут же становится жестким, смотрю на дорогу перед собой, не отвечая на вопросы, которые его не касаются. Минус Шейна в том, что он излишне любопытен, все ему расскажи и подскажи. Для сына старьевщика, его интересуют не те темы. Ставлю на панель перед ним навигатор, громкость не помогает, мне приходится перекрикивать то или иное направление. Оживленное движение в городке постепенно сменяется на умеренное. По мере того как мы забираемся на сопку, где стоят коттеджи, я сажусь ровнее, напряженно оттягиваю ремень безопасности.

Мой старый дом выглядит все таким же скучным, безжизненные стены перекрашены в светлый оттенок бирюзы, еще больше напоминая дурдом. Это место никогда не станет нормальным, учитывая, кто его бывший владелец. Новые жильцы активно устраивают все на свой лад, вот бы только они не снесли мой гостевой домик. Даже учитывая то, что я все отлично спрятала, перепад температуры может повлиять на качество.

– Может, мне остановиться? Ты себе сейчас шею свернешь. – Машина замедляется.

– Поехали до конца улицы, – привычным приказным тоном изъясняю.

– Как скажешь, госпожа, – прикалывается Шейн. – Можешь пояснить, особый интерес или это тоже под запретом?

Мы доезжаем, как я и сказала, до конца пустой улицы, разворачиваемся, и я теперь вижу мой домик, рядом с которым кто-то играет.

– Притормози. – Мои глаза напрягаются, присматриваюсь к маленькой девочке, которая копошится у тайника. – Твою же мать.

Шейн смотрит, куда и я, ему интересно, в чем проблема и почему мне не нравится милое создание, так гармонично устроившееся напротив стены, разрисовывая ее. Облокотившись на сидение, натягиваю легкую шапочку на глаза до самого носа. Это ж надо, мать вашу, в доме ребенок. По моим наблюдениям, они сущие дьяволята, умение появляться в ненужный момент и портить удается им лучше всего. Даже по статистике семьдесят процентов детей видели то, что не должны были по неизвестной мне причине. И вот кто ее просит торчать именно там?

– Поехали, – сжимаю свою щеку еще сильней, опираясь на нее кулаком, и поправляю шапку. Все оказалось куда хуже, чем я предполагала. Я надеялась, что дом все еще пуст, и, учитывая, что знаю лазейки, проникну туда без труда. Но сейчас придется придумать что-то оригинальнее, чем взлом системы сигнализации и охраны.

– Ты нервничаешь потому, что наш тренер купил себе этот дом? Или потому, что у тебя с ним связаны какие-то воспоминания? – Он нашел способ привлечь мое внимание.

– Прикуси язык. О каком тренере речь? – Вот эта новость меня прямо-таки радует.

– Тренер Джонсон, тот самый, который уже неделю набирает команду. Которую ты, кстати, уже пять раз послала к черту. – Он все еще внимательно следит за дорогой, а я прикидываю, как можно обойти всех так, чтобы было выгоднее для меня.

Поджав нижнюю губу, я соображала с дикой скоростью, составляла гнусный план по спасению. Но все сводилось к тому, что я не хотела делать. Возвращаться в спорт, даже вынуж-

денно, не имело никакого смысла. После травмы у меня остался страх, что я не справлюсь в следующий раз. Чейзу тоже досталось, и то, как он перебрался через линию, сложившись пополам, страшный сон наяву. В тот день мы спорили с ним, чтобы он не выходил на поле. Во время тренировки Чейз зацепился с Ван Кампом. Словесная перепалка перешла в полноценную драку, придурок подло ударил ничего не ожидающего младшего Кинга. Урон был нанесен, осталось добить. Если бы парни не разняли их тогда, думаю, Ван Камп не смог бы играть. Чейз вообще легок на вызов, зацепить и завести можно с полуслова. Иногда мне казалось, он ждал, когда его достанут, чтобы лишний раз почесать кулаки.

– …все собираются в спортивном зале, утверждают состав и вроде как даже собираются взять тренера из учащихся. Я думаю, это тупо: как пацан сможет стать тем, кто приведет команду к успеху? И какой ему профит с этого? Оплата за учебу? Официально ведь не устроят? – Он все еще болтает.

– Когда собираются? – Теперь уже внимательно отношусь к его трепу.

– Мне кажется, ты опоздала. Да и насколько помню, ты мне весь этот период утверждала, что не вернешься в спорт, поэтому что уж, – он дразнит меня. – Можно, конечно, попробовать встретиться лично.

– Топи давай, гамадрил шутливый. – Нашелся мне тут умник, рассуждает он.

Австралиец ждал моего приказа, тут же резко свернув на укороченный путь. Я уже знала, что спустя пару закоулков перед нами появится ставший уже родным универ. Люди спокойно прогуливаются по дорожкам, и только мы, как два ненормальных, на скорости въезжаем на парковку. Стоит машине остановиться, я тут же выпрыгиваю из салона и несусь, сломя голову, к спортивному залу.

– Двери, если что, открываются! – орет мне вслед Симпсон.

– Ты знаешь, что мне пофиг! – кричу ему в ответ.

Пробежка становится серьезной проблемой, так как я давненько не тренировалась. Да и легкие, как ни крути, забиты никотином под завязку, одышка и колики в боку. Нормально для обычного человека, но не спортсменки. Перепрыгиваю высокое ограждение, сминаю несчастный, только недавно скошенный газон, не обращаю внимания на недоуменные взгляды развалившихся студентов. Тоже нашли место для пристанища, обогнув толпу, раскрываю двойные двери, проталкиваюсь к спортивному залу и врываюсь в него. Оглушительная тишина нарушается громким ударом двери об стену, мужчина, идущий к противоположной стороне, оглядывается, чтобы увидеть меня, сложившуюся пополам. Я хватаю воздух и протягиваю ладонь вперед для рукопожатия.

– Здравствуйте, сэр. Вот блин.

Он недоуменно разворачивается и, выпрямившись, наблюдает за движениями моих рук в воздухе. Я стараюсь что-то сказать, но закашливаюсь.

– Очень рад видеть вас, девушка. Чем могу быть полезен? – На мой крик души он снова начинает двигаться к стене, вытаскивает одноразовый стаканчик и наливает в него воду из диспенсера.

Выдыхаю тихое «черт», издаю странную смесь из кашля, вперемешку с чихом, затем поднимаю голову, чтобы забрать стаканчик с водой из его рук. Прохладная жидкость тут же освобождает мое горло от спазмов, помогая мне прийти в нормальное состояние. Выпрямляюсь и, придав своему виду невозмутимость, снова вытягиваю ладонь, передавая ему пустой стаканчик обратно.

– Итак, я Хейли и хочу в вашу команду по американскому футболу. – Он хмурится, меряет меня взглядом, как бактерию под микроскопом. – Сейчас не в форме, но дело за малым. Опыт есть.

– Хм, – задумчиво прищуривается, – как, говоришь, твоя фамилия?

– Американ тинейджерс, четыре года назад надежды школы. – Я горжусь этим, футбол был моей жизнью. – Линдеман.

– Хм. – Его очередное мычание доводит меня до предела, пусть только попробует сказать, что не знает, кто я. – Хейли Линдеман?

– Она самая, – резко отвечаю я.

– Угу, много слышал. Почему ты решила, что хочешь в команду? – Этот тон умника взрывает мое терпение, в его глазах загорается огонек совсем как у Питера, когда я уезжала. Может, именно так выглядит надежда?

– Потому что я засиделась, у меня нет выхода энергии. Ваш университет сборище развалюх и терпил. Мне необходимо снова заниматься тем, что я люблю больше жизни. Какой еще ответ вам нужен? – я повышаю голос, даже не замечая, что выкладываю ему настоящую правду, какая она есть – без приукрашиваний. – Я не сливала игру! Меня выкинули за борт и заставили самостоятельно плыть, но я не умею этого делать!

Тренер стучит меня по спине, когда я снова закашливаюсь, сорвав голос. Разворачивает меня и ведет в обратном направлении к двери, я уставилась на мужчину, которого вижу впервые в жизни. Мне надо знать, что он решил, хочу его ответ и сейчас же.

– И все? – говорю я, когда мы стоим за дверьми спортивного зала. – Решили списать меня?

– Я ничего не говорил, – в шутливом тоне отвечает он, – футбольной командой занимается другой тренер, для нас это новый опыт и уровень. Он моложе, упорней, да и методика есть у него современная. Получилось так, что я слишком стар, и пока мне не нашли замену, решили сделать таким образом.

– И что все это значит? – Пот, стекающий по затылку, неприятно щекочет кожу, нервно передергиваюсь всем телом.

– Список еще не утвердили, запиши себя вон на том листе и приходи на тренировку завтра. – Снова постучав мне по спине, он уходит, оставляя меня с открытым ртом.

Вот и к чему все эти перебежки, эмоциональный рассказ о себе любимой и прочее? Бумажка, в которую я могу записать себя, и все? А как же достижения? Опыт? Что за несерьезное отношение?

Возмущение все еще клокочет во мне, беру в руки список, и все становится до невозможности смешным. Тощая килька Нильсен, пробитая на голову Максвелл и грудастая Лайвли. Это они называют команда университета? Полторы калеки не могут заслужить уважение. Тренер слишком стар? Да ладно вам! Этот мужик способен дать фору молодняку, но нашел причину избежать участи какого-то придурка, согласившегося на подобный зверский опыт. Интересно, что ему предложили взамен? На такое супер заманчивое в кавычках предложение? Вниз по списку открытая графа и закорючка в виде глуповатой подписи. Теперь я понимаю, что значит писать, как курица лапой.

Мне-то какое дело, чтобы попасть в дом, я покажу ему, как играют в футбол, и понятие «на ковер к шефу» примет другое значение. Надо втереться в доверие, сделать пару шагов вперед, обставить всех. И забрать то, что является моим. И тренер не дурак, он же понял, что дом купил у моего опекуна, а значит, ко мне должен относиться хорошо. Да и местечко будто осталось для меня единственной.

Пишу все свои данные, в том числе и телефонный номер, рисую красивую звёздочку в конце, так сказать, отличилась. Не успеваю положить ручку на столик, двери открываются, мужчина искал, видимо, именно меня.

– Мисс Линдеман, я тут кое-что вспомнил. – На моем лице появляется гордая улыбка. – Ваша травма подразумевает согласие родителей. – У меня перехватывает дыхание, только не это.

– А, ну это не проблема, он будет рад, что я вернулась в строй, – лукавлю я. Соврав однажды, учишься этому искусству на всю жизнь.

– Я должен убедиться. – Я моргаю, когда он вытаскивает телефон и выжидательно смотрит на меня. – Оставьте мне его номер, пожалуйста.

Картинно хлопаю себя по карманам, растерянно поджимаю губы и округляю глаза.

– Кажется, оставила телефон в машине. – Он не верит мне, или я разучилась манипулировать людьми? – Мой папа, – последнее слово непривычно произношу скрипучим голосом, – у него сейчас дипломатическая поездка в Сингапур, номер продиктую по памяти, через пару дней он будет доступен. – По памяти произношу цифры, выдавив из себя извиняющуюся улыбку.

– Я попытаюсь дозвониться. – Вежливо кивает мне и удаляется.

– Что же за день такой, твою мать. – Быстрый шаг меняется снова бегом. Опять эти взгляды, толпы, лежащие бездельники студенты и бордюр. На последнем спотыкаюсь и врезаюсь в дверь Кадиллака, чуть не оставив вмятину.

– Эй, там будет царапина! – возмущается мой временный друг. – Что ты творишь? Хейли, хватит хозяйничать. – Он отталкивает мои руки, когда я сжимаю и разжимаю его губы, проверяя голос. – Что ты творишь?

– Значит так! Теперь ты автоматически вовлечен во вселенский заговор. Телефон должен быть всегда включен и доступен. Когда тебе будут звонить и спрашивать обо мне, ты автоматически становишься моим опекуном. – Черные глаза округляются, даже блондинистый хохолок, кажется, прифигел, заострившись еще больше.

– Ты чокнулась, что ли? – Он отталкивает телефон, которым я тычу в него.

– Да, и кажется, безвозвратно! Поэтому возьми этот долбаный телефон и сделай голос более грубым! – Мы оба вытаращиваем глаза, стоит завибрировать мобильнику. – Скажи, что не против, – зачем-то шепчу я.

– Ты издеваешься! Я не могу сделать этого. – Он перевозбужден тем, что ему придётся соврать, я же бьюсь головой об сидение. – Это добавит мне балл, чтобы я стал твоим другом? – наконец шепчет он и, как только я киваю, нажимает на кнопку ответа. – Да. Здравствуйте. Разрешение играть в футбол? – Его глаза резко метнулись в мою сторону, в них загорается довольный блеск. – Что вы, я даже «за»! Она уникальный игрок.

Питер никогда бы так не сказал. Более того, он убьет меня, если узнает о том, что я только что сделала.

Глава 7
Чейз

Встреча с тренером поставила меня в тупик, он витиевато объяснил что-то о команде, наборе в нее и то, что не мог сам справиться. Звучало бредово, что-то типа экспериментальной группы, в которую придется вложить много сил. Какой мне с этого профит? Хватит на полную оплату за месяц кредита. То есть вот так просто, но на деле, думаю, мне достанется команда остолопов, не желающих вообще работать. Никто не захочет, чтобы ущемляли их свободу.

Мои ладони вспотели, внутри все переворачивалось, сердце то и дело колотило о грудную клетку. Выдохнув, я прохожу в спортивный зал, переодеваюсь в раздевалке и вижу свисток, все еще запакованный в пакет, услужливо лежащий на скамье. Мое орудие пыток для изолированных на целых два часа людей. Разрываю упаковку, подношу к губам и дую в него. Свистящий звук тут же заполняет маленькую комнату, заставив меня зажмурить один глаз. Я ненавидел, когда тренер прекращал тренировку подобным звуком, сообщая нам, что надо стараться еще больше. Громкий свист был последним, что я услышал, когда Ван Камп врезался мне в спину, ну и еще хруст собственных позвонков.

– Что ты тут стоишь, как вкопанный? Давай, Кинг, покажи, на что ты способен! – Тренер предстаёт передо мной в самый неожиданный момент, я выплевываю свисток, вытянувшись по стойке смирно. – Узнаю моего парня! – Сильные хлопки по спине отрезвляют.

– Списки уже утвердили? – Я наклоняюсь, чтобы еще лучше затянуть шнурки на кроссовках. – Вы обещали скинуть мне на почту, так и не дождался.

– Да дело тут такое… – Я поднимаю голову, уставившись на темную папку и моего наставника, растирающего свою шею. – Все закрутилось, завертелось… Отбирать будешь сам, по факту. Твое дело в итоге показать результат.

Медленно беру папку в руки: на вес она легче обычной ручки. Так зачем вообще утруждать себя подобным? Может, там действительно ужасные игроки, поэтому и взяли меня?

Усмехнувшись, я готовлюсь принять на себя огонь, только до того времени, как не вчитываюсь в список. Фамилии могут показаться обычными и даже обыденными, изредка повторяющимися, но только не имена. Мне кажется, или стало слишком душно, зал наполнился звуками смешков и тонких голосов. Скрипучие полы под подошвами кроссовок еще больше нервировали.

– Понимаю, что надо о таком предупреждать заранее. – Он все еще пытается оправдаться. – Все знают, что ты тренер, за исключением новеньких. И ровным счетом не знают суть игры.

– Я экспериментальная крыса? Вот почему меня приняли, неслыханная щедрость… – Мой голос кажется чужим и далеким.

– Ну, я бы не стал такими словами бросаться. Это же удовольствие – работать с подобным. Я слишком стар, ты должен понимать. Они все молодые, соблазнительные, репутация полетит коту под хвост вместе с заслуженной пенсией. – Он делает шаг ко мне и сжимает плечо. – Дети до сих пор скучают по тебе, и то, чему ты их научил, не сможет никто другой. Особая привилегия, Кинг. Ты же спортсмен! А мы ни перед чем не останавливаемся.

Глазами бегаю по списку, от которого начинает тошнить. Меня начнут чморить еще раньше, чем я выйду из спортивного зала.

– Я хотел вернуться в команду, а не девок тренировать. – У меня получилось резюмировать, слово «девки» прилипло к небу вместе с языком, я ворочал им, как ненормальный, пытаясь избавиться от неприятных ощущений. – Девчачья команда по американскому футболу!

– Бог не дает непосильную ношу. – Этот пророческий тон вынуждает меня скривиться так, будто я откусил лимон. – Кроме того, глядишь, найдешь свою половинку. А в команду, прости, тут я пас. – Я все еще молчу, он проходит к двери, делает странный круг и возвращается, выдернув у меня из рук папку. – В деканате все уши прожужжали, что я стою за тебя горой! И мне пришлось сказать, что ты сможешь подготовить команду на серьёзную игру между сезонами! Я всем сказал, что ты лучше меня справишься, Кинг! Имей совесть! Этот шанс не для балбесов, которые кривятся на выгодное предложение.

Я выдергиваю из его рук папку, снова открываю ее, вчитываясь в имена. Кортни, Люси, Захара и еще с десяток таких же, как они! Они решили собрать арсенал косметического салона с наклеенными ресницами.

– Это не команда! У них маникюр, как у динозавра, как они мяч будут кидать? – возмущаюсь я.

– Так ты же тренер, работай над составом. У тебя есть запас, тестируй их как следует. – Я недоверчиво кошусь на него. – В хорошем спортивном смысле, Кинг, вообще, кто тебя учил этому?

– Чему? – Делаю невинное лицо, чувствуя, что у меня появляется хорошая идея, надо только ее осуществить, заручившись поддержкой. – Вы сказали сезонная игра?

– Не делай из меня дурака. Ты осилишь. – Мужчина натягивает мне на голову легкую шапочку кислотного цвета. – Там, кстати, есть девушка, она тоже после травмы, но профи. С ней вы сколотите такой коллектив, все плакать будут. Дел еще по горло, разбирайся, документы зайдешь, подпишешь к секретарю.

Все еще недоверчиво смотрю ему вслед, я в малине, или как еще выражаются мои русские знакомые. До этого я не понимал смысл этого выражения, но фото с компанией красивых девушек смотрелись очень возбуждающе. Надо было спросить, кто эта спортсменка, пусть я и не всех знаю по фамилиям, но пятерых точно. Беру простой карандаш, закладываю его за ухо и выхожу в спортивной зал. Застыв на месте, мой взгляд старается не фокусироваться на голых животах и бедрах, это супермини шорты и полоска на сиськах. Убойный мейк, как и прически, они что, предполагают, что я их каждую по очереди буду иметь в подсобке? Все пропитано

вызовом, намеренная имитация бурной деятельности в виде растяжки и прочей фигни. Сделав крюк, я поворачиваю прямиком к выходу из спортивного зала, наращивая темп.

– Прошу прощения, леди, хочу кое-что уточнить и вернусь к вам, – на ходу объясняю ситуацию девушкам, но, думаю, это первая и последняя моя фраза на сегодня. Я не буду тренировать всех этих полуголых студенток, пока они в таком возбужденном состоянии.

Толкнув раздвижные двери, вдали мелькает спина мужчины, только что инструктировавшего меня. Размашистым шагом я несусь по узкому коридору, не замечая никого на пути, пока не сталкиваюсь с человеком, бегущем в противоположную сторону. От удара, как об бетонную стену, у меня болит рука, думаю, она тоже пострадала. Я открываю рот, чтобы извиниться, брюнетка движется в зал, даже не обратив внимания на удар.

– С дороги, щенок. – Ее голос вводит меня в оцепенение, папка летит на пол вместе с простым карандашом.

Поправляя на ходу узкие лосины, она дёргает за пояс и подпрыгивает на одной ноге. У меня не двигается ни одна мышца, пока за ней не захлопываются двери. Девушка становится вполоборота, хвостик подпрыгивает, пружиня, пока она нервно дергается. Долбанная жевательная резинка, это ее любимый вкус – клубника с дыней, он не раз оставался на моих губах и еще долго дурманил по ночам.

Поворачиваюсь в сторону коридора и замечаю тренера, поспешно идущего ко мне. Наклонившись, поднимаю упавшие вещи и жду.

– Я подумал, что это дурацкий уговор. Не могу же подставлять тебя таким образом, можешь вернуться в детскую группу, помогу тебе выбить стипендию, ты сирота, в конце концов. Что же я, не человек, что ли? Ты тренер, а не… Вообще не понимаю, что на меня нашло! – Я сжимаю его ладонь, останавливая.

– Я в долгу перед вами! Спасибо! – Убираю снова карандаш за ухо. – Отполирую, как следует, девчачью группу, может, и правда хорошая команда получится.

– Ты дурак, что ли? – Тоненькая струйка пота бежит по его виску. – Я же даю тебе шанс сбежать из этого дурдома.

– Вы сами сказали, я спортсмен. А тренировать, будь то дети или девушки, не все ли равно. – Будто согласившись с моим мнением, он прекращает нервничать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.